

АНТОН
КУЧЕВСКИЙ

Заложник
дипломатии

АНТОН КУЧЕВСКИЙ

Заложник дипломатии

«Издательские решения»

Кучевский А. Я.

Заложник дипломатии / А. Я. Кучевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839102-6

Все, чего хочет Рихард — вести безбедную жизнь в столице процветающей империи Грайрув. Его небольшая компания приносит прибыль, кредиторы не обивают пороги, и все, вроде бы, радужно... вот только срочная депеша от императора ломает планы на ближайший месяц. Или — на остаток жизни? Нахлобучив верную шляпу, в компании верного, но чересчур скрытного друга вольный купец собирается посетить опаснейшее место на всем Арн-Гессене!

ISBN 978-5-44-839102-6

© Кучевский А. Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. В которой я – жертва ужасного стечения обстоятельств	11
Глава 2. В которой я остро боюсь за свою безопасность	17
Глава 3. В которой мы приобщаемся к древней магии	23
Глава 4. В которой мы выясняем, кто на что не способен	29
Глава 5. В которой Локстед узнает кое-кого, а мы – кое-что	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Заложник дипломатии

Антон Ярославович Кучевский

Дизайнер обложки Антон Ярославович Кучевский

© Антон Ярославович Кучевский, 2017

© Антон Ярославович Кучевский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9102-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Река Жемчужная с ее множеством рукавов является не только торговым активом империи Грайрув, но и, как сказал один поэт, важнейшим природным достоянием. А посему тяжелое судоходство по ней надлежит запретить, кроме того, свести к минимуму прогулочное. Чед Уэстерс мысленно был согласен с этим мнением, однако он знал также и точку зрения гильдейских купцов.

Торговые люди считали, что река, которая ежегодно приносит в столичную казну более двух миллионов варангов, просто обязана быть объектом не только тяжелого, но и какого-нибудь сверхтяжелого судоходства. В карманы, естественно, приходило в четыре раза больше – книги Золотых Цепей внимательно следили за честностью и своевременностью в уплате налогов. А с выскочками, которые, не зная своего шестка, осмеливались обращать внимание царственной особы Варанга Пройдохи Величайшего на подобные мелочи, торговые люди поступали в большинстве своем просто – отрезали либо язык, либо пальцы.

Тот поэт, кажется, удостоился всего лишь отрезания двух пальцев на правой руке. Великодушны торговцы Гильдии, мудры и справедливы.

Низенький паром бодро вспахивал воду толстым носом, иногда волна плескала пассажирам прямо под ноги, но для тех, кто уставал от людных улиц, это было лучшим средством передвижения после сна в собственной кровати. Вы ведь в кровати ворочаетесь? Значит, средство передвижения. Чед скучающе разглядывал билет – толстый кусок картона с серебристыми вензелями по краям, на котором было отпечатано: «Посадочное место второго класса, пристань Миддейл, 1 персона». Писать «1 человек» в мире, в котором, кроме людей, жили еще как минимум три многочисленные расы разумных существ, было бы, по меньшей мере, невежливо.

Странно, что редакция «Вестника» вообще расщедрилась на билет. Обычно – держи цель, а преодолевать препятствия, вроде затрат на дорогу и покупки письменных принадлежностей, изволь уж как-нибудь сам. Возможно, причиной этой странности являлась сама цель – уж очень необычно, что имперский дипломат, возведенный Варангом в баронеты, спокойно разрешает вмешательство настырных «перьев» в свою жизнь. Хоть когда-то завезенный из другого мира патент чернильной ручки и прижился в империи, глашатаев «Телмьюнского Вестника», толстой еженедельной газеты, все равно звали «перьями», по старинке.

Вряд ли виной такой доступности было происхождение баронета. Чед Уэстерс, поживший на свете уже два с половиной десятка лет, не припоминал случая, чтобы в благородный статус возводили кого-то еще, кроме купцов и людей искусства. И, если вторые часто получали оное за заслуги перед императорским двором, то первые могли дворянское звание просто купить. Конечно, «просто купить» было непросто, прежде всего, из-за размеров суммы. Но баронет Шнапс и здесь был белой вороной – титул он получил уже после вручения дипломатических грамот, что само по себе было редкостью и в Грайруве, и в окрестных королевствах.

Чед оглянулся назад, где под закрытым круглым кожухом с легким шелестом вращался громадный маховик. В конце концов, странно, что никто раньше не пытался написать очерк о жизни человека, который изобрел сердце скоростного водного транспорта. На сухопутных флевиллах столичный народ ездить попросту боялся, а куфы Гильдии, обладавшие неторопливостью вьючного осла, по прежнему были недоступны в свободной продаже. Но к лодкам и кораблям это не относилось – водная гладь была лишена и толпы снующего люда, и узких переулков забитого домами Телмьюна.

Спустя пять лет после основания фабрики «Шнапс и совладельцы» Рихард, тогда еще просто вольный купец, объявил о создании нового двигателя. В отличие от турбин, использовавшихся на флевиллах, более поздний тип обладал двумя мощными винтами со стальной закаленной крыльчаткой, уходившими согласно нормам конструкции под воду. Подбирая раз-

личные типы гребных винтов, размер маховика и нанесенные на него руны, можно было оснастить весь торговый флот столицы – и даже принимать иностранные заказы.

Однако после того как последнее судно вышло из дока с крупным округлым набалдашником в кормовой части, император приказал изготовить большую партию двигателей для военных судов. Учитывая, что на переоснащение частных кораблей, государственного торгового флота и немногих судов классического типа, принадлежащих Гильдии, ушло двенадцать лет, легко было догадаться, что за опознавательные знаки были нарисованы на носу брига со снятыми мачтами, беззастенчиво торчавшего по левому борту парома. Хотя берег был далеко, Чед напряг зрение и прочитал крупные буквы, отсюда казавшиеся муравьями: «Бесстрашный».

Для имперского корабля, установленного на стапелях, через несколько недель должны были изготовить маховик, превышающий размерами любой, сделанный до него. Уэстерс как-то побывал на заводе Объединения Механиков в Тизлике. Занимались там отливкой и закалкой совершенно других, не корабельных деталей, однако каждая проходила тщательную проверку на прочность и брак, после чего некачественно выполненные части снова отправлялись в плавильную печь.

Чтобы ускорить процесс переоборудования, удачливый фабрикант выстроил судоремонтный док с местами под два корабля малого или среднего класса, водоизмещением не более двадцати пяти тысяч фунтов. Двигатели для них выпускались заводом Шнапса, и монтировались уже на месте, в закрытом кожухе. Естественно, техническое обслуживание тоже осуществлялось там, за дополнительную плату.

Поэтому сказать, что едет брать интервью у человека бедного и нуждающегося, Чед не мог. Еще и выговорить нужно без смеха – капитал баронета в прошлый год составлял не то три, не то три с половиной тысячи речебов, «длинных денег», выпускавшихся императорским монетным двором в слитках. Это, на минутку, три миллиона золотых монет. Деньги просто липли к рукам удачливого человека.

Уэстерс наконец-то вспомнил, что несколько лет назад мастер редактор Шейнвиц сам попытался составить опрос, однако получил от ворот поворот. И тут, неожиданно, на стандартное письмо, написанное Чедом две недели назад и отправленного в заказном конверте из плотной водонепроницаемой бумаги, пришел любезный ответ:

«Уважаемый мастер Уэстерс!

Получив Ваше письмо, я пребывал в легком недоумении – о чем именно Вы собрались писать свой очерк? Если желание составить мою полную биографию жжет Вашу душу, боюсь, ничем не могу помочь – жизнь моя скучна и безынтересна, а о некоторых ее моментах лучше вообще не вспоминать. Вышел бы солидный, нудный и никому не нужный том весом с четверть лошади.

Однако могу предложить к Вашим услугам небольшую историю, суть которой жителям Грайрува (тем, что имеют привычку читать газеты) будет весьма любопытно зреть на страницах «Вестника». Подробности – при личной встрече, приглашаю Вас тридцать пятого числа месяца Цветов в дом номер шесть на улице Тиламана Страбского.

Постскриптум:

Если разбираетесь в винах, прихватите бутылочку хорошего дейнского розового. Если не разбираетесь – лучше не надо».

Государство Дейн и в самом деле прославилось своими виноградниками, а в пузатых бутылках Чеду помог разобраться друг и коллега, «перо» Лекс Зоммерфельд. Сейчас она лежала в кожаной сумке, рядом с обширным блокнотом в переплете из воловьей кожи и позолоченной перьевой ручкой. Про личную жизнь вольного торговца было известно на удивление мало, за исключением некоторых пикантных подробностей.

Несколько домов, купленных им в столице, тут же перестраивались и превращались хозяином в небольшие крепости, в которые не мог проникнуть ни вор, ни маг, ни осадный инженер с требушетом. По этому признаку можно было отнести мастера Шнапса к людям крайне необщительным и замкнутым, однако его статус имперского дипломата твердил, что все не так, как выглядит на первый взгляд. Да и все слухи... будучи глашатаем единственной столичной газеты, Чед Уэстерс просто не мог не знать слухов. А они, хоть и расходились в деталях, неизменно твердили об эксцентричности цели. Появляясь в свет, баронет всегда носил широкополую шляпу, пальто странного покроя и был вооружен. Впрочем, от поединков, предложенных телмьонскими бретерами, чаще всего отказывался, утверждая, что человек он мирный и вида крови не выносит.

А сейчас ему, Чеду, предстоял визит в дом, где никто, кроме немногочисленных близких и наиболее доверенных деловых партнеров Шнапса, не присутствовал вообще. Настороженность – полезное чувство, но не в те моменты, когда ее количество превышает всякие разумные пределы.

Однако, как и всякое «перо», имеющее дело с собственным призванием, мастер Уэстерс просто не мог не проглотить такую вкусную приманку. Пусть даже история от начала до конца будет чистой выдумкой, однако письмо подтвердит, что она была рассказана именно ему, и именно баронетом собственной персоной, так как приглашение он дал от своего лица.

Сойдя с парома на пристани, полной толпящихся граждан и портовых рабочих (не всегда граждан), Чед козырнул знакомому работяге с «Производства отрубей Франко» и неспешно углубился в путаницу столичных улочек. С его внешностью глашатай мог без труда затеряться в толпе – крепкий парень среднего роста с открытым и честным лицом, поросшим в нижней части редкой щетиной. В этом году, правда, все столичные модники и модницы стали внезапно носить «ноттергейт» – экзотического вида головной убор, выглядевший, как котелок, снабженный очками на широком кожаном ремне. Они, в свою очередь, образовывали полумаску с закрытым латунной нашлепкой носом.

Он подобных новшеств не любил, что выдавало в его характере излишний консерватизм и нежелание двигаться в ногу со временем. С другой стороны, не бросаясь бездумно за каждым веянием моды, Чед Уэстерс экономил солидную сумму денег на услугах портного, а иногда и вовсе покупал одежду с одной из нескольких мануфактур, размещенных на окраинах города. Ему неоднократно пеняли, что, будь обертка статного молодого человека более изящной, дамы сами бы вешались ему на шею. Уэстерс лишь загадочно усмехался, в очередной раз выслушивая подобные советы.

Наконец из-за угла показалась расписная темно-зеленая с золотом ограда, выполненная из обычного кирпича белой глины, но возведенная на высоту два с половиной метра. Декоративные столбы венчали острые шпили, судя по всему, еще и заточенные. Сооружение смотрелось весьма негостеприимно, вполне отвечая слухам о нелюдимости владельца. В проеме шириной в полторы косых сажени красовались дубовые ворота, художественно окованные железом, рядом, в небольшой арке, виднелась калитка.

Чед отметил про себя, что стена, мало того, что высокая, так еще и довольно толстая. Вообще в столице хватало скрытных граждан, так что следовало ожидать еще и какой-то магической защиты поместья. Рядом с выполненной по трафарету надписью «Улица Тиламана Страбского, 6» на угловатом железном выступе висел небольшой шнурок. Гость потянул за него, в ответ откуда-то со двора донесся звук механического колокольчика.

Две минуты спустя калитка приоткрылась, и водянисто-голубой глаз с подозрением посмотрел на глашатая. Тот посмотрел на глаз с еще большим подозрением. Обмен подозрениями продолжался почти десять секунд, после чего обладатель глаза распахнул калитку настежь. Для наблюдателя данной сцены, коих в переулке, к сожалению, не нашлось, стало бы ясно, что

пожилой мужчина в строгой черной ливрее является обладателем целых двух голубых глаз, отчего сила его подозрительного взгляда лишь удвоилась.

– Имейте честь представиться, сударь! – высокопарно произнес он. Чед про себя отметил, что будь на его месте какой-нибудь герцог или даже король, тон привратника вряд ли изменился бы. Хотя, судя по одежде, он не простой привратник.

– Чед Уэстерс, глашатай «Телмьюнского Вестника».

– Вас ожидают, – слегка наклонил голову слуга. – Я мажордом Йетельд, управляющий дома Шнапсов. Будьте добры, пройдите внутрь – я укажу вам дорогу.

Чед шагнул за невидимую грань, почувствовав нечто вроде холодной щекотки. Магия. Видимо, его «опознали», и сочли достойным гостем. У ворот с внутренней стороны сидел охранник – не воин, закованный в сверкающую сталь, а, скорее, наемник. Кожаный доспех, короткий меч у пояса, несколько метательных ножей на груди и тяжелый арбалет с рычагом быстрого взвода в руках. Он проводил хмурым взглядом газетчика, который поспешил вслед за мажордомом, шагнувшим размеренно и быстро.

Форма слуг не менялась уже, наверное, лет двести. Черный или темно-синий фрак с длинными полами, белая или кремовая рубашка, черные брюки. Допускалась отделка рукавов и воротника золотой нитью. Кроме того, мажордом обладал рядом дополнительных привилегий по сравнению с поварами или горничными – обязательный выходной день, отдельная плата за каждый объект, вверенный ему в управление и прочие блага, выразившиеся, по большей части, в денежном эквиваленте.

Уэстерс, пощупав сумку и убедившись, что бутылка еще там, перекинул ремень на другое плечо и поднялся вслед за Йетельдом по ступенькам большого, нового дома. В десяти саженьях в стороне виднелся полузаросший травой фундамент – очевидно, остатки старого. Мажордом открыл перед гостем дверь и зашел внутрь вслед за ним, плотно, но в то же время неслышно ее закрыв. Что ж, умение закрывать дверь – тоже искусство.

Холл был воистину огромен, высотой в два этажа, с двумя мощными колоннами из белого мрамора, поддерживающими крышу. За двадцать пять шагов от входа находилась широкая лестница, ведущая на второй этаж. Здесь стояли несколько диванов королевского размера, кресло, небольшой столик с дюжиной книг на полке сбоку и курительными принадлежностями. Кроме того, пол укрыт шерстистым ковром – Чед не мог сказать, шкура это или ткань с умело вплетенной распущенной нитью.

В кресле, в халате и домашних брюках сидел владелец поместья собственной персоной. Небольшого роста пятидесятилетний мужчина с окладистой бородой и аккуратно зачесанными назад волосами, которые одновременно находились под атакой залысин и седины. Серые глаза, под одним из которых была едва заметная татуировка в виде странного знака, насмешливо смотрели на Чеда, не потому, что глашатай как-то потрепанно выглядел или забыл о важных правилах приличия – эти глаза, видимо, смотрели так на весь мир.

– Чед Уэстерс, не так ли? – спросил он дружелюбно. Чед кивнул головой:

– Да, мастер Шнапс.

– Будет вам. Если мы хотим с самого начала взять правильный тон, советую вам называть меня просто Рихардом. Всем советую, да вот беда – никто не слушает. – С этими словами баронет затянулся несколько мгновений назад раскуренной трубкой и выпустил облачко волнистого дыма. – Присаживайтесь, Чед.

– Мастер... Рихард, в письме ко мне вы упоминали о некоей волнительной истории, не так ли?

– Уже лучше, – одобрил тот. – Возможно, и упоминал. Ваше любопытство не дает вам работать?

– Мое любопытство очень помогает мне работать, – усмехнулся Уэстерс.

– Тогда все же присядьте и расслабьтесь, – посоветовал Рихард. – Я никогда не пробовал свои силы ни в писательском деле, ни в составлении устных историй. Возможно, были какие-то попытки юности, но я их забросил, и с тех пор даже не начинал. Понимаете ли вы, что это означает?

– Рискну предположить – вы заранее извиняетесь, что задержите меня надолго?

– Очень близко, – коротко хохотнув, сказал собеседник Чед. – Мой рассказ будет длиться все ваше доступное свободное время, а вы уже сами решите, что из него будет интересно для читателя «Вестника». Я упомяну все детали, которые только вспомню – а вы вырежете из них ненужное. И маленькое предупреждение, – недобрая искра сверкнула в серых глазах, глазах чужого для этого мира человека, – не пытайтесь исказить мои слова.

– Что вы, – возмутился Чед. – Мы хоть раз писали клевету?

– Не знаю, – хмыкнул Рихард. – Я вообще газеты не люблю.

– Тогда почему решили согласиться на мое предложение? – полюбопытствовал глашатай. Баронет поскреб ногтями резьбу на трубке и пожал плечами:

– Подумал, что это будет забавно. Считайте это прихотью или эксцентричной выходкой. Курите?

– Бросил. Врачи сказали, что и до ста не доживу.

– Врут, – безжалостно отрезал Шнапс. – Мне вот уже пятьдесят с хвостиком, половину отмененного срока отмахал – и отлично себя чувствую. Заметьте, не всегда сидя в кресле.

Чед осторожно напомнил, видя, что баронет упорно сворачивает с намеченной темы:

– Так что за история?

– Ах да, история, – усмехнулся тот. – Буквально месяц назад истек срок давности в двадцать лет, на который на любую дипломатическую миссию налагается закон о неразглашении. С этого момента я волен рассказывать что хочу и кому хочу, а вздумай я поведать вам эту байку месяц назад – правду я рассказал или нет, а все равно поплатился бы головой.

– Миссия? Но, насколько мне известны подробности вашей жизни – а они вообще мало кому известны, по крайней мере, в Телмьюне – вы выполнили лишь одно дипломатическое поручение.

– Зато какое, – мечтательно протянул Рихард. Из кухонных помещений почему-то послышался грохот посуды. – Известно ли вам, мой юный друг, как громко человек может орать?

Глава 1. В которой я – жертва ужасного стечения обстоятельств

– А-а-а-а-а-а-а-а!

Громко, и не слишком информативно, согласен. Более того, примитивно и весьма безрезультатно, учитывая, что ты продельываешь это все, вися над краем пропасти, кое-как уцепившись кончиками пальцев одной руки за выступающий утес, а сверху безжалостно смотрят глаза того, кого ты считал лучшим другом!

Конечно же, я орал. От ужаса и безысходности, после того, как...

Впрочем, я наверное, не с того начал. Кто-то будет читать и недоумевать – что это вообще такое? Как он позволяет себе издеваться над высоким слогом художественного повествования? Отвечает редакция «Телмьюнского радио», благо, такового здесь еще не изобрели: художественное изложение в моих устах – точно от слова «худо».

Итак, все началось за несколько недель до описываемого происшествия.

Столичным сплетникам известно, что когда-то я заключил брачный контракт с феей. Не самый разумный поступок, однако, я был гораздо более несведущ в любовных вопросах, чем в деловых. Да и в поведении стихийных существ тоже...

Вполне логично, что в один пасмурный день Томильена – так ее звали – исчезла из моего дома. Я был безутешен, честно говоря – несмотря на деловые отношения, у меня уже было начала создаваться иллюзия, что мы вполне уживаемся и, более того, мое общество ей нравится. Видимо, тяга к родным местам обитания оказалась сильнее. Поскольку я не знал, где эти самые места обитания находятся, а обращение к магам не дало результатов, я продолжал горевать.

Нет, не испытывать некие мужские потребности, а именно горевать, Чед, не ухмыляйтесь так. Я тоже был прожженным циником и смотрел на вещи в истинном свете – по крайней мере, я так считал когда-то. Выяснилось, что мой характер по сравнению с некоторыми моими знакомыми из высшего света можно назвать мягким, а меня самого – наивным.

Так вот – я горевал. Испытывая убийственную тоску, я продолжал с грехом пополам руководить фабрикой по изготовлению флевиллов, а также разрабатывать принципиально новый тип двигателя. Отголоски данного изобретения настигают меня и по сей день, и, чего греха таить – приносят немалую прибыль.

В тот прекрасно-злополучный день я занимался переоборудованием третьей модели, тип «Экзилас», под нужды крупного грузоперевозчика, компании вольного купца Келсингтона. Технические подробности вам вряд ли будут интересны, скажу лишь, что я сидел над чертежами кузова, прикидывая максимально допустимую нагрузку на руны, нанесенные стандартным методом, когда в мою дверь постучали.

Знаете, требовательно так постучали. Поскольку таким образом явиться в контору мог либо наглец, либо высокопоставленное лицо – а охрану Анатолий подобрал блистательную – я не позволил себе усомниться в том, что гость ко мне прибыл важный. Посему открыл дверь сам, и был совершенно прав. Ко мне пожаловал посыльный из вестового отделения императорской почтовой службы. Все мы знаем этих молодчиков – крепкие, при неизменном коротком мече, обязательно владеют парой-тройкой простых заклинаний. Других туда попросту не берут, потому и важничать они право имеют, как никто другой.

Он ткнул мне под нос бумагу с гербовой печатью и объявил:

– Получателю сего надлежит передать все дела доверенному лицу и немедленно прибыть во дворец!

Я кивнул. Что тут еще скажешь? Если Его Императорское Величество пожелал бы, меня могли бы перенести к его трону без моего ведома и согласия, а так – даже почетно. Не зря я ему флевилл преподнес, ох, не зря.

Вскочив за руль своего флевилла (я сделал его гораздо более похожим на транспортные средства моего мира, в отличие от гильдейских куфов с их медно-латунными рычагами), я, пугая механическим свистком почтенных горожан, помчался на другой берег. Центральная часть Денежного моста утром распадалась на две половинки и поднималась в стороны, чтобы дать проплыть крупным парусникам, а затем – начиная с полудня, сводилась на десять часов. Вечером – короткий «корабельный» промежуток в два с половиной часа, и на ночь громадные крылья снова становились единым целым.

Кто не присутствовал при данной процедуре – граждане Грайрува из провинций или подданные других стран – скажу, что при визите в Телмьон вы должны хотя бы один раз увидеть подобное зрелище. В процедуре подъема и сведения участвует как магия, так и механика. Один из немногих случаев, когда Коллегия и Объединение Механиков творили чудеса сообща.

Итак, дело было днем, поэтому мост сведен, и я беспрепятственно обогнал даже быстходную почтовую телегу, возница которой плюнул мне вслед, но не попал. По центральной части моста сновали туда-сюда все виды транспорта, которые вообще существуют в этом мире. Почтовые упряжки с гигантскими собаками, толстые парящие куфы, напоминающие ботинки из толстой кожи, обитые металлом, колесницы, запряженные лошадьми или буйволами, крытые экипажи с неизменным возницей, который держал в руках поводья лошади или обитую кожей поворотную ручку, следя при этом за показателями давления парового двигателя.

В общем, это все изрядно напоминало бы столицу одного островного государства из моего мира во времена, когда промышленная революция только начиналась. Если бы не магия, не тиррены (те самые гигантские собаки) и не тот факт, что здесь начисто отсутствовали велосипеды.

Велосипед, мастер Уэстерс... в общем, неважно. Как-нибудь изобрету – смеху будет...

Добравшись до дворцовой лестницы и прикрепив флевилл тонкой цепочкой к коновязи, я с искренней жалостью к себе начал преодолевать подъем. Я думаю иногда, что у дворян, часто наносящих визит во дворец Варанга, очень сильные и тренированные ноги – подниматься по ступенькам с помощью дополнительных средств, вроде магии или парящего транспорта, не позволено никому. Последний раз за подобную попытку еще до моего рождения отрубили обе ноги. Считается неуважением лично к Императору. Знатный был господин, кажется – то ли хранитель ключа в императорские покои, то ли еще кто.

Я предъявил пропускную грамоту стражам у ворот, и они с помощью специального рычага отвели в сторону одну из половин – ровно настолько, чтоб мог пройти человек. Предосторожность, конечно, похвальна, однако я всегда сомневался, что кто-то в полном доспехе и с таранным бревном будет их штурмовать. Для начала храбрецу придется победить лестницу.

Поясню для тех, кто не имел чести видеть все величие резиденции Его Императорского Величества Варанга Пройдохи Величайшего, а именно так звучит его сокращенный титул – дворец располагается на естественном плато, выдающемся над водной гладью реки Жемчужной метров на сто, если не больше. Со стороны муниципальной управы Правого берега на плато прорублены широкие, но весьма крутые ступеньки. Если я уже говорил про неопишное удовольствие от преодоления сего пути, тогда простите.

Пройдя через усыпанные красным гравием дорожки парка, я привычным маршрутом отправился к двери черного хода. Конечно, она была богато украшенной и достойной громадного здания дворца, но парадный вход был оснащен с огромным пафосом, не чета какой-то скромной двери. Так уж повелось – люди ремесленного и торгового сословия не имели права на расшаркивание стражи у главных дверей.

Император ждал меня в малом тронном зале.

Меня с ним объединяет только одно: мы оба – сероглазые выходцы из другого мира, но историю о том, как Варанг стал императором Грайрува, и так знает каждый ребенок. Длинная и поучительная история, в которой главный герой почти до нитки обобрал всех столичных купцов, за что, собственно, и получил такое «пышное» звание. Деловая хватка в те годы значила все, да и сейчас является одной из основных доблестей, почитаемых людьми империи.

Впрочем, не было никаких «стенаний под игом тирана». Как любой порядочный разбойник – это не пишите – он знал, что сытую общину грабить приятнее. Особенно, если ты в ней имеешь вредную привычку постоянно проживать.

По бокам от тяжелого резного кресла из мореного дуба, украшенного красным бархатом и агатами, стояли два стражника с привычными арбалетами. Тут же находился и один из советников – судя по костюму с жилеткой и золотой цепочкой, юрист. Я хмыкнул, подумав, что на тощем парне костюм смотрится еще хуже, чем на одном моем закадычном ушастом приятеле.

– Его Императорское Величество Варанг... – начал, было, он, но император прервал его нетерпеливым жестом:

– Заткнись, Филипп. Да-да, вот так просто, возьми и заткнись. Я пока что еще сам говорить умею, а с торговцами соблюдать все правила придворного этикета, слава небу, не обязательно. Иначе я бы позвал церемониймейстера. Или даже обер-церемониймейстера.

– Исполняю, Ваше Величество, – обиженно сказал он. – Осмелюсь лишь напомнить, что вашим же указом от предыдущего года должность обер-церемониймейстера была упразднена.

– И хорошо, – проворчал Варанг. – Меньше нахлебников на тощую казну.

Я подавил желание усмехнуться. Тощая казна, по слухам, в несколько раз превосходила по так называемому золотому весу сумму всех запасов окрестных и островных королевств. Император тем временем обратил внимание на мою скромную персону, застывшую в поклоне.

– Разогнись, Рихард, ты тоже не на балу. Пыль шляпой будешь перед дамами подметать. Представь, что ты военный человек, спокойно стань и слушай.

– Чур меня, Ваше Величество, – вздрогнул я, но предлагаемые действия произвел. Меня в армию даже наш военком не хотел брать, и продолжение славной традиции являлось для меня просто делом чести.

– Играть с тобой в загадки тоже не буду, – хмыкнул он. – Времени не столько, сколько хотелось бы. Поедешь на отдых от всех своих торговых дел, а заодно и выполнишь весьма значительную для империи задачу.

– Детали? – уточнил я, мысленно уже прикидывая, кого и где поставить управляющим. Приказ императора штука такая – либо ты выполняешь его на задних лапках, либо бежишь из страны. Печально, но факт. Хотя до этого случая мне, в общем-то, ничего и не приказывали.

Варанг Пройдоха Величайший поднялся с трона и неторопливо подошел к тяжелому дубовому столу, установленному посреди комнаты. Я проследовал за ним, заметив, что на столе раскинулась большая карта мира, каким-то образом впечатанная в дерево. Приглядевшись, я также различил, что некоторые небольшие точки медленно переползают с места на место. Насекомые? Отнюдь, не в императорском дворце. Магия, мастер Чед. Если только это не относится к какой-то государственной военной тайне.

Перемещались отмеченные армии, дипломатические миссии, крупные торговые караваны, приглядевшись, можно даже различить названия и имена. Я не стал косить под иностранного шпиона и просто остановился в шаге от стола, не слишком концентрируя внимание на загадочных «насекомых». Палец императора ткнул в северо-западную область.

– Читай.

Я наклонился, с трудом улавливая мелкие буквы. Зрение, что ли, подводит? Или они сами прыгают, как заводные чертики...

– Проклятые Земли, Ваше Величество. Насколько я понимаю, задача включает в себя смерть, овеянную славой? Немногие экспедиции в это место либо возвращались в составе двух-трех человек, либо не возвращались вовсе!

– У тебя, слава богам, имеется прекрасный проводник, – проворчал он. Здесь даже чесать голову не надо.

– Полагаю, у него тоже нет выбора? – осторожно поинтересовался я. Варанг чуть ли не плюнул мне под ноги, раздраженно произнес:

– Ну что ты как маленький, вольный купец? Я даю тебе возможность занять неплохое положение в местной элите, раз уж ты сам не пытаешься ничего сделать в этом направлении. Мне нужны люди с мозгами, особенно когда речь идет о землях, за которые мы вот уже двести лет ведем вялую борьбу с Ургахадом. А голова твоего ушастого приятеля тоже вроде не опилками набита – он по родным местам должен тебя провести, как гид по Жемчужной набережной.

Я пожал плечами. Не следовало, конечно, фыркать в лицо правителю огромной страны, но и падать ниц и рассыпаться в благодарностях тоже как-то не хотелось. Билет, по большому счету, мне доверили в один конец.

– С Вашего позволения, я начну приготовления в дорогу. Предполагаю, мне будут выданы все необходимые верительные грамоты? Кроме данного вопроса, из того, что рассказывал Локстед, я запомнил одно – у народа йрвай нет единственного правителя. Есть, скорее, несколько племен, ведущих совершенно разный образ жизни. Достаточно ли будет заручиться согласием только одного?

– Выяснишь на месте, – развел руками император. – Здесь я тебе, мастер Рихард, не помощник. Армию туда посылать бессмысленно, один человек сможет сделать гораздо больше. Кроме того, я распоряджусь, чтобы писцы составили договор вассалитета. Если хотя бы одно племя его подпишет, можно будет объявить его «нашим», а остальные племена – злобными бандитами, не приветствующими императорский режим. И спокойно вводить войска.

– С армией я бы подождал, – вздрогнул я, меня вообще коробит от этих политических методов, – не зря ведь полуостров называется Проклятые Земли.

Император с чувством опустил мне руку на плечо:

– Все зависит исключительно от тебя.

Я сдержанно поклонился. Ишь, патриота нашли.

Кроме всего прочего, я добился некоторой суммы денег на дорогу – из императорской казны особым указом Его Императорского Величества фабриканту и купцу, почетному члену Общества Механиков Рихарду Шнапсу было выделено аж целых полторы тысячи варангов. Что ж, хотя бы маленькой победой над столичной бюрократией я мог похвастаться перед неминуемой гибелью. Локстед тоже был не в восторге.

Кто не слышал о Локстед из племени йрвай – уверяю вас, отдельная, совершенно занятая история. Я, будучи совершенно не ознакомленным с порядками этого мира, спас его из рук прихвостней купца Гильдии Багахольда Дикого, у которого чудесное существо работало шутком и мальчиком для битья. Йрвай имеет приблизительно человеческое телосложение, но на этом все сходство с человеком заканчивается. Его рост – около пяти футов (с ушами), тело его покрыто очень короткой, но не жесткой бурой шерстью, на пальцах вместо наших плоских и малоэффективных ногтей – твердые когти, а лицо так и вовсе чем-то смахивает на помесь кошки с обезьяной, при этом каким-то чудом сохраняя и некие человеческие черты.

Большие глаза с янтарной радужной оболочкой, белок глаз почти не виден, переносица и сам нос почти кошачьи, челюсти немного выдаются вперед, зубы острые, как хорошо заточенные ножи. И главное в этой физиономии – тонкие длинные уши, длиной чуть больше половины аршина (о цирке системы мер и весов в Грайруве можно говорить часами, но достаточно упомянуть, что из привычных для человека из моего мира величин здесь есть только метр, фут,

фунт и миля). У Локстеда они вечно торчат вверх, но на самом деле эти уши крайне подвижны, и могут наравне с лицевой мимикой выражать сложную гамму эмоций.

Я привожу лишь краткое описание того единственного йрвая, которого я имел честь лицезреть на тот момент жизни. Этот тип нередко выручал меня из сложных ситуаций, имея феноменальную память и крайне своеобразное представление о мире, из-за которого мы очень часто попадали в еще более занятные истории. Ко всему прочему, он до сих пор – мой деловой партнер, так как в совершенстве знает законы империи Грайрув. Естественно, наизусть. Все.

Локстед был крайне недоволен новостью, которую я ему сообщил.

– То есть, мы спасаем эту великую задницу и ее правление на ближайшие несколько лет – до нового покушения – а он в награду отправляет нас в самое опасное место на всем чертовом Кихча?

– Мог бы и поуважительнее отзываться о своей родине, – лениво протянул я, закинув ноги на низенькую табуретку. Кресла в конторе фабрики «Шнапс и Компаньоны» сработаны так, что на них можно хоть спать. Второй компаньон, Анатолий, спустя пару лет покинул дело – скучно ему, видите ли. А, может быть, виной всему его быстротечный роман с леди Рогнейской, послан из Ургахада. Кажется, она объявила его в розыск, ну да кто следит за такими мелочами?

– Мог бы, да не стану, – огрызнулся Локстед, дернув ушами. – Неподготовленный идиот выживает там максимум сутки, подготовленный идиот – немногим больше. Даже для моего племени земля полна всякими смертельно опасными подарками, и это с полным комплектом защитных рун!

– У нас выбора нет, – хмуро ответил я. – Либо мы бежим из страны, чего лично мне бы не хотелось, либо выполняем поручение и становимся на одну социальную ступеньку выше, чем были до этого. А, возможно, и на несколько. Это стечение обстоятельств – я, удачно подвернувшийся под императорскую десницу, и ты, первый гражданин Грайрува из той самой земли, на которую империя посягает.

Йрвай дернул ушами и подошел ко мне, голос его был для бывшего шута (да, я буду помнить это и спустя двадцать лет!) непривычно серьезен.

– Рихард, я не хочу, чтобы ты сдох. Совсем, понимаешь? Насмерть. Даже костей может не остаться, чтобы отвести домой. Если ты захочешь покончить жизнь самоубийством, я настоятельно советую выбрать какой-нибудь способ, не включающий в себя обязательную поездку в Теджусс.

– Теджусс? – переспросил я. Он кивнул:

– Моя родина.

– Мне нравится, – усмехнулся я, – звучит гораздо оптимистичнее, чем Проклятые Земли.

– Сути не меняет, – мрачно заметил йрвай.

– Слушай, я знаю, что дело – дрянь. Но, так как бежать сию же минуту я не собираюсь, предлагаю тебе сделать выбор. Справедливо замечу, что без тебя я там точно – труп. Кстати, что обозначает «полный комплект магических рун»? Ты мне говорил только о тех, что у тебя на пятках.

Локстед фыркнул:

– У нас для этого выбривается шерсть и наносится татуировка, а на ступнях, так как кожа грубеет и теряет очертания, руны наносятся сначала шрамированием и только потом – специальным составом с добавлением растения уэдла. Кстати, оно же служит основным ингредиентом для магических чернил.

– Неприятная процедура, – поежился я.

– Ты же в сапогах постоянно. Достаточно будет нанести резьбу на каблуки и следить, чтобы она не стерлась до того, как ты покинешь Теджусс, – объяснил он. – Но вот с другими так не получится. Это обязательные знаки, которые должны наноситься только на тело.

Я угрюмо прикинул себя в роли татуированного новозеландского аборигена. Получилось не очень. Даже Паганель из меня вполне себе низенький и чахлый.

– Я же смогу их потом свести? И где конкретно они наносятся?

– Для одной из них нужно изготовить металлическое клеймо, разогреть его и выжечь знак на каждой ягодице, чтобы каждый раз, когда ты садишься, ты не осквернял священную землю...

Увидев мое изменившееся лицо, он расхохотался:

– Да шучу я. Не все так плохо, как кажется. Хотя то, что ты подписываешься на это безумное предприятие, в очередной раз уничтожает в тебе все зачатки приличного мещанина. Татуировка будет только хорошим дополнением к образу.

В этом весь йрвай, или, по крайней мере, большая его часть. Предупредил о смертельной опасности – все, дальше можно не беспокоиться.

– Меня даже жена бросила, – вздохнул я. Локстед скривился:

– День, когда ты перестанешь вздыхать о покинувшем тебя элементале – которые вообще постоянством не отличаются, и я тебе об этом неустанно твердил – я занесу в календарь красным числом и буду отмечать ежегодно. Рихард, ты богат и достаточно известен, чтобы долго оставаться холостым.

– Да мне все эти... – махнул я рукой.

– Хочешь опять попасть в сказку? Феи там, единороги, прочая хрень. Так я тебе по секрету скажу – ты не в тот мир попал, приятель. Единорог, к примеру, тебя убьет, как только увидит – они вообще существа не очень дружелюбные.

– Где ты о них уже успел прочитать?

– «Описательное собрание загадочных существ Грайрува», том второй, «Север», – усмехнулся Локстед. – Советую почитать, много нового узнаешь о мире, который тебя окружает.

Я ехидно спросил:

– А ты на что? – И поспешно добавил, видя, что йрвай уже готовит ответную шпильку, а они у него гораздо острее моих тупых гвоздей: – Давай лучше займемся рунами. Обещал же маме, что не буду поганить себя всякими рисунками...

– Выжить – важнее, – загадочно произнес он. – Для начала нам потребуется купить инструменты – не думал ли ты, что я в конце каждой декады подрабатываю татуировщиком?

Глава 2. В которой я ощутимо боюсь за свою безопасность

Крупный черный кот посмотрел на меня внимательно и беззвучно мяукнул. Не спешите жалеть бедное немое животное – вы не слышали, какие рулады он выводит, когда защищает свою территорию. Когда мы только его подобрали, он чуть не порвал мне все кровеносные сосуды на руках, но затем понял, что кусать руку дающую, как минимум, невежливо, и поселился в одной из хозяйственных пристроек фабрики. На сей раз мы с Локстедом оккупировали именно ее.

Обычно я, если не занят на производстве, совершаю ритуальный обход трех цехов дважды в день, в случайно выбранное время. Зная, что Бискерфольц и так держит работников в узде, я все же предпочитаю лично контролировать выплавку и чеканку рам, корпуса, тонкую настройку рулевых механизмов. Первые наши флевиллы не отличались изяществом, однако со временем я подобрал грамотных металлургов, а Локстед нашел мастера-гравера, который изображал на корпусе машины различные охотничьи сцены, пейзажи или ритуальные узоры. Как правило, дворяне в обязательном порядке требовали изобразить их личный герб, так что со временем библиотека конторских книг пополнилась геральдической энциклопедией Высшего Дворянского Собрания.

Кстати, что мне нравится в йрваях – отсутствие такого понятия, как «зона комфорта». Вообще. То есть, если нужно что-то сделать в компании абсолютно чужих, незнакомых и опасных существ, он идет и делает. Без душевных терзаний, без акклиматизации к новой и непривычной обстановке. С таким подходом их жизненная философия должна быть либо сверхсложной, либо простой, как валенок.

– Твою мать! – с чувством высказался я. Локстед хихикнул за спиной:

– Терпи, красивым будешь.

– Художник недоделанный, – проворчал я. – Тебе знакомо понятие меры? Обереги эти нельзя сделать какими-то маленькими, чтобы поменьше дырявить мою шкуру?

– Не-а. Ты удивишься, но на мне такие же. Традиции говорят о том, что размер татуировки-оберега должен быть пропорционален размеру тела.

Я покосился на него через плечо. Короткая, плотная шерсть скрывала любые следы и рисунки на коже, хотя на месте татуировки, насколько я знаю, волосы обычно растут неохотно.

– Традиции знают слово «пропорционален»?

– Традиции говорят, чтобы ты заткнулся и не лез не в свое дело, – хмыкнул Локстед, – слово «соразмерен» тебя больше устроит?

– Да я так, придираюсь от нечего делать. Ай!

– Пищишь как котенок.

Кот наблюдал за мной с презрением и равнодушием, игла вырисовывала на моей спине замысловатые вензеля.

– У тебя есть преимущество, которое значительно сокращает объем работы – заметил йрвай, положив иглу на остывающие угли и беря вторую.

– Какое же? – сквозь сжатые зубы поинтересовался я.

– Брить не надо, – хихикнул Локстед.

После четырех мучительных часов я стал гордым обладателем нескольких росписей на теле. Темный полукруг на спине с какой-то клинописью, заключенный в наклоненный вправо эллипс, черный браслет с пляшущими чертиками на правом предплечье, а на икре Локстед изобразил что-то вроде темной звезды с четырьмя лучами, окруженной ореолом более

мелких звезд и хаотично разбросанных букв из того же странного алфавита. Вдобавок он нанес мне под правый глаз здоровенное пятно черной краской, по которому тоже прошелся длинной серией уколов. Смыв краску, я обнаружил первый и последний знакомый знак, но какой! Чуть левее скулы гордо расположилось суровое око, вписанное в треугольник.

Я нервно рассмеялся. Нет, без сомнений эта магия – очень древняя, но здесь?

Хотя, почему бы и нет.

Отправив посыльного с запиской к нашим текстильщикам, которые обычно занимались внутренней обивкой салона, я без труда разыскал Бискерфольца. В последнее время одноглазый гигант – нет, не двухглазый с одним выколотым, а саррус, по-нашему циклоп – все время торчит у заказанного месяц назад механического молота, любовно проковывает детали несущей рамы.

Саррусы принадлежат к одной из четырех Основ, каждая из которых с гордостью твердит, что народ именно их расы первым появился в мире Кихча. Честно говоря, я – не исключение из этого правила, но у меня есть свои причины считать, что люди – первая раса. Очень научные причины, надо сказать. Остальные две – марды, внешне идентичные многократно упоминаемым в нашей литературе гномам, кое-кто еще зовет их дворфами, и хоббиты. Для справки – босиком они не ходят и в Зеленых Холмах не живут, предпочитают селиться в комфорте, ну а самое комфортное место в Грайруве – его столица, город Телмьон, раскинувшийся на обоих берегах реки Жемчужной. В этом я с ними совершенно солидарен.

– Биско!

– Да, мастер Рихард? – повернул голову он, краем глаза продолжая следить за двумя дожими мужиками, крутившими приводное колесо. Я мог бы заказать себе и паровой молот, но по тем временам это было слишком рискованным вложением – потратить почти половину имеющихся у тебя денег, не зная, окупится ли это вообще.

– Как работа? – поинтересовался я чисто для проформы. Более надежного работника, чем он, я в жизни не видел.

– Идет, – кивнул саррус. – Рамы для двух принцев Консьегена ждут нанесения рун, но мастер Локстед пока занят, а Еремей вчера приболел. Еще одна готова, пока испытываем грузами, прежде чем ставить маховик.

Балансировка «летающей рамы», которая вовсе никакая не летающая, а парящая над землей на высоте от двух до трех аршинов, является едва ли не самой важной частью в создании флевилла. С передвижением мы как-нибудь разобрались бы и без игрушки мардов, на которой обнаружилась пара давно забытых рун – парус бы поставили или какие-нибудь механические крюки с грунтовыми зацепами, чтобы отталкиваться от земли. А вот проверка грузоподъемности и правильности нанесения необходимых знаков – первое дело.

Хотя, я пытаюсь обмануть самого себя. Без украденной нами из гробницы безделушки флевиллы обладали бы значительно меньшими скоростными качествами, а с двумя воздушными турбинами в стальном корпусе и огромным маховым колесом, движение которого управлялось древней магией, мы начали ездить с сумасшедшей даже для столицы скоростью в сорок миль в час, иногда обгоняя почтово-собачьи дилижансы.

А мастер Локстед – лентяй и тунеядец. Но этот факт лучше на публике не упоминать.

Все же руны он наносит с безукоризненной точностью и выверенностью, а в доработке пока что не нуждалась ни одна машина, сделанная с его помощью. Разве что по мелочам – корпус заказчику не понравился, со шрифтами в гербовом девизе надо поиграть...

Еремей – его ученик, хрупкий юноша с горящим взором и привычкой каждый месяц Зеленых Иггов впадать в длительные простудные болезни. Но, пока ушастый его хвалит, я особенно не придираюсь к работе. Освоил те два вида рун, что требуются для производства? Замечательно, пусть оттачивает каллиграфию Древних. Энциклопедию рунических слов и матерных выражений пока учить ни к чему, зря у меня йрвай в компаньонах, что ли?

– Ты как-то говорил, что можно приспособить флевилл для передвижения в совсем уж неблагоприятной местности?

– Угу, – подтвердил Бискерфольц, нехотя отведя взгляд от прессы, который с грохотом проковывал длинную балку.

– Нарисовать сможешь?

– Если только я нарисую, а вы потом начертите, как полагается, – усмехнулся он и искал взглядом письменные принадлежности. Я протянул ему планшет из прессованной бумаги и люминовый тяжелый карандаш. Почему-то графитовых месторождений в Грайруве не водилось совсем, то самое «совсем», которое от слова «абсолютно». А люмин... у нас его алюминием зовут. Интересно, откуда и куда название перебежало?

Сам механизм турбины и распределительные валы, увы, приходится заказывать у Объединения. Все, что сложнее шестеренки, выполняется мастерами в небольшом городке, размещенном на южной окраине столицы. Ближе к центру вроде бы и попрестижнее, да только дым отнюдь не высших сортов заставил императора Клавиуса Хенкеля сорок лет назад попросить Механиков передвинуть свои владения. Кроме того, они еще и соорудили гигантский винт, который гонит все вредные газы на юго-восток. Логистика хромает, ясен пень. Когда и в какой стране она не хромала? Поэтому заказанные детали приходится ждать неделями.

Ну, у меня имеется бумажка от Варанга, да только представляю, что они с этой бумажкой сделают. Все варианты – не самые приличные.

Бискерфольц изобразил нечто похожее на четвероногого паука, во всяком случае, его «лапы» были красиво изогнуты вверх и в стороны, а затем резко устремлялись вниз. Округлое, даже цилиндрическое брюхо явно свидетельствовало о неуважении металлурга к традиционному продольному размещению двигателя, а по вопросу пассажирских и водительских сидений он оставил мало места даже для меня, человека не самой выдающейся стати. В общем, не дизайнер он, совсем не дизайнер. Или слишком дизайнер?

– Биско, даже если лапы выдержат массу флевилла, – с укором сказал я, – они здесь не пришей кобыле хвост. Руны наносить прямо на них?

– Да, – кивнул он. – Даст необходимую мягкость хода, если скакать по буеракам.

– Я-то считал, что с проходимостью у куфов и наших машин проблем нет.

– То проходимость, а то – чтоб задницу не трясло.

– Так не трясет же особо, – засомневался я, вспоминая свой опыт управления флевиллом на пересеченной местности. Бискерфольц пожал плечами:

– Тогда можно облегчить саму машину. Кожух, конечно, делать из дерева – идиотизм, но мы можем заказать тонкие латунные листы вместо обычной четвертьдюймовой стали.

Я покачал головой:

– Проект красивый, но оставим его для придворных дам. Мне нужна надежная и выносливая машина с максимальным местом для груза. Это, прежде всего, расширенная рама, маховик придется ставить впереди, сделаем плечо меньшего радиуса. Но плоскость – шире, механизм передачи усилия на воздушные винты будет тем же, насколько я разбираюсь в древней магии.

– Зачем? Не проще ли оставить стандартный двигатель, но использовать не метровые, а двухметровые рулевые тросы? – возразил мастер, смотря, как я безжалостно крою его чертеж.

– То есть, перенести рулевое кресло на самый нос? – задумался я. Идея, в общем-то, неплохая, но для парящего транспорта не самая лучшая. Даже самый прочный металлический трос из кустарной проволоки может порваться, чем больше его длина, тем ниже надежность. Да, здесь тоже умеют ее тянуть, а не ковать, но продукт получается значительно менее качественный, чем у нас.

– Да, так можно получить много места для груза.

– Не пойдет. Я бы лучше рулевую балку сдвинул назад, кресло можно приподнять, а то и закрепить на раме кожуха.

– А груз где – на носу? – удивился Бискерфольц. Я кивнул:

– Больше ничего не остается. Если сделать широкую раму и утопленное дно, будет летучий корабль. Мне этот киль, цепляющий все средние камни на дороге, на один известный овощ не нужен.

– Для чего вообще вам это нужно, мастер Рихард? – все же решился спросить он. Я поморщился:

– Варанг подписал меня в одну экспедицию, и от его решения я был, честно говоря, не в восторге. Вот и прикидываю, как быть.

– Поездка в, как вы сказали, «неблагоприятную местность», и вы еще прикидываете палец к носу... в смысле, какой-то груз? – усмехнулся Биско. – Я теперь понимаю, как вы так быстро разбогатели.

– Большого секрета нет, – криво усмехнулся я, почесав шею и затылок. – Я отправляюсь в Проклятые Земли, старшим на заводе останешься ты, управляющим по производству, скорее всего, поставлю Исмира.

Исмир работал в конторе парнем на подхвате, официально его должность называлась «старший учетчик», неофициально он был нужен всегда и всем сразу. Непонятно, то ли это его заслуга, то ли отличительная черта всех хоббитов.

– Вон оно как, – протянул саррус. Его глаз с сочувствием смотрел на меня, как будто металлург уже заранее приговорил человечка, на которого работал, к смерти. Впрочем, кого я обманываю – сам так же думал. – А груз?

– Еще не решил. Лекарства и алкоголь везти бессмысленно, только для себя походный набор составлю. Оружие – тоже вряд ли. Поймает меня кто с грузом остро заточенной стали, тем более за пределами империи – останусь без головы, и никакая охрана не спасет. Пищевые припасы, копчености, из тех, что долго могут лежать, несколько бочек меда, соль, несколько рулонов парусины.

– Там есть корабли? – удивленно поинтересовался Биско.

– Даже если там – сплошная пустыня, парусина, тщательно промазанная соком дерева тцанг, не промокает и почти не поддается влиянию времени.

– Для этого всего хватит и стандартного кузова, – задумчиво сказал он. – Если только на обратном пути вы не поддадитесь жадности и не притащите половину местного зверья, за что Его Императорское Величество пожалует вас титулом владетельного герцога Проклятых Земель.

– А что, если мы сделаем вместо одного маховика внутри рамы два снаружи? – спросил я.

– Сократится длина приводного стержня, на каждую турбину будет по одному двигателю. Рычагов, правда, больше, но возможность управлять каждым двигателем по отдельности... а знаете, это – мысль. Почему мы раньше так не делали?

– Потому что я жил относительно спокойной жизнью, – скривился я.

Наше творение стремительно обрело формы. На складе имелся определенный запас деталей, к счастью, мне не нужно было срочно усовершенствовать конструкцию – по расчетам получалось, что с приводом на каждую турбину груженный флевилл может спокойно развить такую же скорость, как и легкий прогулочный предыдущей модели. Конечно, оставался момент инерции, но гашение скорости теперь тоже происходило вдвое быстрее. Осуществлялось оно методом резкого поворота турбин на сто восемьдесят, а после прекращения движения двигателя одним рывком рычага отключались. На месте все без исключения парящие транспортные средства оставались с помощью длинных железных штырей на цепи, забиваемых в землю.

Если быть точным, при остановке двигателя закрывались рунные пластины, которые и приводили в движение аршинные лопасти маховиков. Размеры – вторая причина, почему продукция моего завода не пользовалась ошеломляющим спросом, первой всегда была скорость. Слишком быстрые для этого мира, флевиллы были новинкой, к которой население привыкало постепенно. Кожух двигателя уходил на солидных полметра ниже рамы, в этот раз я рискнул установить оба стальных колеса еще выше, так, что кожух внизу выступал буквально на несколько вершков.

К круглой раме, скрывавшей маховики, сверху были приклепаны рейки, которые образовывали подобие кузова, сверху должен лечь тент, который я вместе с еще одной незаменимой для похода вещью заказал у портного. Сам груз был отделен от четырех кресел с кожаной обивкой гофрированными стальными листами. Нос машины был выполнен по обтекаемой отливке из люминового сплава, местного аналога дюрэли.

Если я и планировал обменять свой товар на что-либо в Теджуссе, то не имел понятия, что же повезу обратно. Отсюда и такое укрепление кузова, вдобавок на подвесных крючьях у борта приютились несколько десятков метров крепкой веревки. Локстед никакого ценного совета по поводу товара дать не мог, то ли не помнил – в чем я, с его слоновьей памятью, сильно сомневаюсь – то ли действительно не представлял, как поймут его соплеменники перспективы бартера. По крайней мере, три бочки с медом он одобрил – и то хлеб. И книги, конечно. Куда уж без них.

Более того, он исключительно талантливо мешал нам при сборке, из-за чего я запретил ему приближаться к цеху ближе, чем на пять метров. Ради его же блага – последний раз йрвай до крови прищемил себе ухо колесом станка для сгибания труб и профилей. Выключенного станка.

В конечном итоге машина весила около двух тонн вместе с грузом – проседание на метровом диапазоне позволяло очень точно оценивать вес любого флевилла или куфа. Больше четырех рун наносить бесполезно, эффективность от прибавления новых терялась по экспоненте. Если кто-то, как и я, не знает, что такое экспонента, считайте, что я удачно ввернул умное слово. Очень сильно снижалась, в общем. Настолько, что не стоила магического отвара, которым руны наносили наши мастера.

Тем не менее, в грузовике чего-то не хватало. Я поделился сомнениями с Бискерфольцом, он сразу же сказал, что знает причину моих сомнений. И, в самом деле, на следующий день извозчик привез заказанный товар – два тяжелых гастрфета без шасси, крепления для них были уже подготовлены. Один был установлен возле переднего пассажирского места, второй – на вращающейся конструкции, прикрепленной к раме кузова. До выезда из столицы оба были, естественно, разряжены – так требовал закон.

Гастрфет – то, что несведущий подданный назвал бы «арбалетом для великанов». Значительно доработанная мардами уменьшенная версия осадного арбалета была оснащена системой блоков в стальном корпусе, при вращении специальной рукояти это чудовище могло делать до двадцати выстрелов в минуту. Стрелы с тяжелыми закаленными наконечниками пробивали металлический щит или деревянную стену насквозь.

В общем, я обзавелся весьма боевой машиной, и страх, неуловимой нитью преследовавший меня последние несколько дней, начал понемногу отступать. К тому же, уже дважды появлялся императорский посланник с деликатным вопросом – когда, мол, мастер Рихард соизволят-с отбыть по повелению Высочайшего? Я, тщательно скрывая раздражение, отвечал, что последние приготовления к дипломатической миссии идут полным ходом. Во второй раз он покосился на металлическое чудовище, ожидавшее покраски на заводском подворье, вежливо поклонился и объявил, что сообщит Варангу Пройдохе Величайшему о моих тщательных усилиях, которые я прикладываю для осуществления Его воли.

На шестой день прибыла последняя, как я полагал, деталь нашего путешествия – палатка, рисунок которой я тщательно скопировал с жилища римских схоляриев. Конечно, рисовал по памяти, значительно уменьшил в размерах, а еще заказал смастерить непромокаемое дно и верхний навес. Хватит с меня этой влаги в дороге, хорошо, что Месяц Дождей еще далеко.

Складывалась она с трудом, но в кузове еще много места. Я предусмотрительно не стал забивать грузовое отделение – вдруг что-то докупим по дороге. Кроме того, маршрут краем проходил через Ургахад, где можно было заехать в крупный приграничный город, Рангерий-Закт, который известен своими цехами резчиков по янтарю. Они создавали удивительные картины, статуэтки, женские украшения и перстни из цельного куска минерала – где-то под городом находилась глубокая шахта, в которой добывали окаменевшую древесную смолу. Как такое смоляное озеро могло получиться? Магия, мастер Уэстерс. Может, какие-то эксперименты Древних, но уж точно не естественным путем.

Наконец «Йота», названная мной в честь моего старого японского драндулета, бесславно погибшего в боббургской грязи, была выкрашена в ровный темно-зеленый цвет. Без всякого золота и украшений – чисто утилитарная, но крепкая повозка, которой предстояло защитить нас от исчадий Теджусса.

Как выяснилось днем позже, император также хотел, чтобы моя миссия завершилась удачно. Протянув свои невероятно длинные пальцы и дружески пощекотав несколько чиновничьих спин, это я так фигурально выражаюсь, если кто не понял, Варанг распорядился выделить мне отряд солдат гвардии. Я подверг здоровых мускулистых парней в пышных латах скептическому осмотру и отправил их обратно. Почему не сразу армию? Видимо, на этом он не успокоился – днем позже прибыли трое местных борцов с нечистью, которых я, осмелев, тоже выгнал взащей.

Нет, ну серьезно. Я вроде как дипломат, еду с весьма мирными намерениями на чужую землю, а мне в помощь придают ребят, которые половину Проклятых Земель вырубят? Хотя что-то мне подсказывает, что их местные ужасы угробят раньше. Не зря же меня Локстед расписывал под гжель.

Впрочем, третья попытка оказалась удачной, поскольку прямо на завод прибыли господа, больше знакомые с защитными методами. Возможно, вид мудрого старца с крепким посохом и не менее крепким подмастерьем показался мне более убедительным, чем очередные дуболомы с мечами.

Или же дело в том, что юноша передал мне записку, в которой Его Императорское Величество скромно сообщал, что, если я не приму полагающуюся охрану, он может меня казнить прямо в столице, избавив от мучительной смерти в Проклятых Землях.

Очень убедительным он может быть, наш император.

Глава 3. В которой мы приобщаемся к древней магии

– Мое имя – Алатор, – медленно, даже величественно произнес старик. Да, именно таким должен быть маг в моем понимании. Старый, мудрый, опытный, познавший почти все тайны мира. И не в дурацкой робе, а в практичном длинном плаще светло-бежевого цвета с кучей карманов и, почему-то, темно-красной головной повязке, из-под которой выбивались несколько прядей коротких седых волос. С посохом, тем не менее. Хотя моему будущему попутчику очень не хватало длинной белой бороды – выбрит начисто, только белые брови кустятся под банданой. Даже Локстед спустя пару месяцев после основания нашей компании решил, что ему не хватает солидности, и с помощью какой-то мази отрастил на подбородке шерсть подлиннее, отчего она стала походить на небольшую бородку формата «козел огородный, одна штука». С моноклем и в неизменном черном жилете йрвай и впрямь выглядел как заправский бизнесмен.

– Рихард Шнапс, эсквайр и коммерсант, – решил не отставать я по количеству пафоса в одном коротком предложении. – Вы – маг, насколько я понимаю?

– Имею честь таковым быть, – поклонился он. – Также отношусь к ведомству Тайной Канцелярии Его Величества. Это – мой ученик Лигби Стюарт.

– Приятно познакомиться, однако я все же вынужден попросить ваши удостоверения личности, а также грамоты, подтверждающие степень владения магическим искусством.

Крепкий парень по имени Лигби торопливо подал свернутые в трубочку бумаги, из которых свешивались хвосты специальных печатей. Я просмотрел текст – сильно. Вообще сильно, Алатор по местным меркам вполне мог бы быть одним из Магистров Коллегии, список его достижений в магической сфере был чуть ли не длиннее, чем полный титул нашего правителя. А там, поверьте мне, хватает букв. Обратил я внимание и на строку «исследователь нетрадиционных форм магии». Звучит загадочно, но, в целом, вполне соответствует месту назначения нашей маленькой экспедиции.

Я снова обратил внимание на этих двоих. Учитель и ученик разительно отличались: маг был похож на тонкое и высокое дерево, которое вроде бы вот-вот переломится, едва подует слабый ветер, но на самом деле может выстоять даже в самую сильную бурю. Стюарт, приземистый, всего на полголовы выше меня, гора мышц и дремлющей мощи, выдавало его возраст только лицо с голубыми глазами и светлыми, коротко стриженными волосами, блистающее наивным и детским выражением. Здесь я видел таких ребят не единожды – даже к магам со слабой Искрой нанимались подмастерья, чтобы потом козырнуть перед знакомыми парой магических трюков.

Но этот... здесь явно нечто другое. Я почти готов был поставить варанг на то, что Лигби, помимо всего прочего, может похвастать еще и печатью нистоборца. Порождения Ниста, олицетворяющие все самое темное и страшное, на территории Грайрува не переводились, а поэтому орден никогда не испытывал потребности в рекламе своих услуг. Парней, а иногда и девушек, вербовали туда с юного возраста и натаскивали чують, находить и уничтожать нечисть, не брезгуя серой дипломатией, наркотиками и использованием артефактов из других миров. Клянусь, я однажды видел у одного из них револьвер «Кольт».

– Ваш помощник занимается только магией? – поинтересовался я. – Давайте расставим все точки там, где им положено стоять. Я – чужак, немного разбирающийся в технических артефактах и в собственных машинах, одну из которых намерен использовать для поездки, кроме того, Варанг дал мне полномочия дипломата. Вы – опытный маг, польза каждого из нас очевидна. Локстед – третий участник экспедиции – йрвай. Он из племени, населяющего Проклятые Земли, фактически, местный абориген. У него почти абсолютная память и немалые познания в природе того места, куда мы направляемся. Чем будет нам полезен Лигби Стюарт?

Маг сухо ответил:

– Ну, для начала, он необходим для моей работы. Некоторые заклинания одному не сотворить. Кроме того, Лигби обучен работе со Светлой Сферой.

– Полностью обучен?

– Да, – ответил сам ученик, уверенно кивнув.

Плюсик мне в личное дело. Светлая Сфера, также известная под сложным названием ильраннейвудс, заменяет нистоборцу компас и основной инструмент для выслеживания всякой гадости вроде призраков, хладовеев, амбарных змей и прочей гадости. На самом деле я не знаю, как называются подобные существа, так что про амбарную змею – фикция чистой воды, моего авторства.

– То есть, вы поступаете под мое начало? – поспешил закрепить позиции я. Алатор ответил:

– Да, до тех пор, пока вы не будете просить сжечь вас в магическом огне. Нам вверили, прежде всего, вашу целостность, а не исполнение приказов.

Я хмыкнул:

– Понятно, Первый закон.

– Простите? – насторожился маг.

– Ничего, ничего, – подавил я желание издевательски улыбнуться. – Еду и спальный мешок вы тоже себе сможете сотворить, или мне нужно пересчитать необходимые запасы?

Алатор надменно произнес:

– Я следую пути аскетизма, а начинающие маги, которые, как вам наверняка известно, познают сперва магию стихий, как самую примитивную, обязаны спать на голой земле. Если они поступают в ученики ко мне, естественно.

– Да, безусловно. Еду, я так понимаю, вы тоже наколдуете?

– Лучше взять с собой, – сухо ответил он. – Думаю, у вас хватает средств, чтобы обеспечить миссию хотя бы пищей?

Я поднял ладони вверх:

– Туше, мастер Алатор. Если у нас не получается вот так с ходу стать друзьями, давайте хотя бы попробуем быть союзниками.

– Согласен.

– Тогда я увеличу запас пищи и воды, и можем отправляться. Под сиденьем есть небольшие ящики, туда можно сложить то, что нужно держать под рукой, – похлопал я по кожаному креслу, – остальное сложим под капот.

Послышался лязг и шуршание. Мы обернулись, чтобы определить источник странного звука, маг поморщился, здоровяк Лигби фыркнул. Я лишь горестно вздохнул.

Локстед тащил рюкзак высотой в свой рост, на который в беспорядке были навешаны несколько сковородок, медный чайник, котелок, а также связка ложек и вилок. Все это богатство безудержно звенело и грохотало, но еще большей тайной оставалось содержимое колосса, а также то, каким образом йрвай его поднял.

После тщательного отбора только самого необходимого дорожный мешок Локстеда уменьшился на две трети (строго говоря, я поменял его на вместительную, но не слишком большую дорожную сумку), а сам йрвай приобрел очень несчастный вид. Я в виде исключения разрешил ему взять с собой толстый том «Аракли» из моей личной библиотеки, мысленно смирившись с тем, что она сгинет в болотах Теджусса. Почему «болотах»? Не знаю, опасная природа у меня в первую очередь ассоциируется с болотом, хотя любая среда может быть опасна по-своему.

В любом случае, наши мешки пришлось привязать сбоку. Места под длинным, но низким капотом для них не хватило, а в кузов бросать я их побоялся. Не ровен час, возьмем дополни-

тельный груз, а про личные вещи забудем. И, чтоб достать их, придется полностью разгружать «Йоту». Не надо нам таких экзерсисов, ох, не надо.

Расстелив карту на ближайшем верстаке, я позвал остальных. Вообще, нужно в очередной раз упомянуть, что география мира Кихча меня удивляет, если не сказать большего. Континент Арн-Гессен, на котором расположена большая часть империи Грайрув, имеет форму немного продавленной в центральной части Австралии, и его верхняя треть проходит строго по экватору. Из «Географической летописи последнего тысячелетия» можно узнать, что Кихча имеет форму шара, но название «планета» здесь совершенно не в ходу.

Более того, экваториальная область Грайрува может похвастать максимум субтропическим климатом. Пустыня на всем континенте только одна – ледяная пустыня Мавен, которая находится на всей территории ниже семидесятого градуса южной широты. Если где-то на данном полюсе и есть вода, она находится на огромной глубине. Насколько мне известно, именно в пустыне Мавен коллегиальная Академия проводит испытания студентов-стихийников второго круга – суровые условия и невозможность выжить без определенной защиты становятся очень весомым критерием, если речь идет о начинающих магах.

Сухощавый указательный палец Алатора ткнул в большое белое пятно, на котором карандашом были нанесены горы и реки. Этим занимался Локстед, по памяти интерпретируя образы из «Жизнеописаний Ульгема Мирного», настолько же редкого, насколько и солидного географического издания о знаменитом путешественнике. Он же был одним из троих выживших в единственной до сего времени экспедиции в Проклятые Земли, поэтому данный раздел книги изобилует художественными сравнениями, но реальной пользы картографам от него было немного. Меня сильно заинтриговал тот факт, что йрвай отказался составлять карту местности по своему личному опыту. «Это вряд ли нам пригодится», таков был его ответ.

Алатор спросил:

– Мы можем быть уверены в точности изображения?

Я покачал головой:

– Вряд ли. Ульгем, в основном, заботился о том, как остаться в живых, поэтому его сведения неточны и очень поверхностны.

– Это место не зря называют Проклятыми Землями, – задумчиво сказал он. – Уж если даже нет подробной карты, значит, магическое слежение через глаза птиц тоже недоступно.

– Скорее всего, так и есть. Я надеюсь, вы захватили с собой какие-либо средства, позволяющие бороться с ограничением ваших волшебных сил?

– Да, в первую очередь, – важно кивнул Алатор. Я усмехнулся:

– Был бы также очень признателен, если бы в дальнейших разговорах вы именовали эту область Теджусс.

– Да мне, в общем-то, все равно... – вклинился Локстед.

– А мне – нет. Существует большая разница между «мы едем в Проклятые Земли» и «мы едем в Теджусс». Я не боюсь задеть тонкие струны твоей души, у тебя они напрочь отсутствуют, чудовище.

– Сам такой. Впрочем, как скажешь, – зевнул йрвай. – Суть одна и та же.

– Ну, не скажи. Итак, давайте все же определимся с маршрутом. Наш путь ведет на северо-запад, поскольку Теджусс закрывает почти третью часть полуострова Кемиши, вторые две трети находятся под игом владычества Ургахад.

– Почему игом? – нахмурился помощник мага.

– Вы еще не раз поразитесь, что меня избрали главой дипломатической миссии, – пообещал я, – поскольку мои шутки бывают очень легкомысленны. Секундой ранее – одна из них, если кто-то еще не понял.

– Шутник, – хмыкнул Локстед.

– Ну, я же не профессионал, в отличие от некоторых мохнатых. Ай!

Кажется, это были мои ребра. Избегая детской возни и окончательного падения репутации в глазах новоприбывших, я проигнорировал болезненный тычок локтем и продолжил:

– Я прикидывал следующий маршрут: Рован, Годдем, затем по Северному тракту до Тцоммервиля, потом, огибая Энов, пересекаем границу Ургахада и останавливаемся в Рангерий-Закте, чтобы пополнить запасы пищи и, возможно, взять еще немного груза.

– Почему не заехать в Энов? – тут же спросил старик, настороженно глядя на меня. Я замахал руками:

– Избавиться от возможного риска. Гарнизон оттуда сняли месяц назад, оставив только сторожевой форт с отрядом солдат. А ведь бунты закончились еще в прошлом году.

– Предусмотрительно, – кивнул Алатор. Его темно-карие глаза неотрывно следили за моим пальцем. – А Торквилстад?

– Снова кентавры, – покачал головой я. Помимо всего прочего, меня снабдили хорошим объемом разведанных. Один старый знакомый. И продолжил:

– Недалеко от Закта есть сквозная пещера через горный массив, которая и должна вывести нас в Теджусс. По предварительным расчетам, «Йота» там проедет.

– Там проедет отряд кавалерии и даже не пригнетса, – сообщил Локстед. – Я знаю эту пещеру, собственно, по ней я когда-то и пришел с той стороны.

Я хлопнул его по плечу:

– Ну, а дальше – дело за тобой, мастер проводник.

– Весьма польщен, – угрюмо ответил он, – только это все равно не дает гарантии, что вы выживете. Теджусс меняется, меняется постоянно. Немногие стабильные вещи мы научились использовать на благо, как и освоили умение общаться с землей, с помощью особых обрядов придавая ей устойчивую форму, но опасность все равно огромна.

– Я все это уже слышал. Только ты ведь все равно так туману напустил, что ни черта не понятно.

– Сам увидишь, – пожал плечами Локстед.

– Как скоро вы рассчитываете туда добраться? – снова вступил в разговор маг.

– При удачном стечении обстоятельств мы можем проделать весь путь до Рангерий-Закта за три дня, но я рассчитываю также на ночлег в каждой из точек маршрута. Итого выйдет пять суток.

– Так быстро?

– «Йота» делает сорок миль в час, кроме того, я и Локстед можем управлять ей по очереди, смены по четыре часа. Считайте сами.

– Все равно, это очень большая скорость, – удивленно произнес Лигби.

– Выше, чем у почтовых дилижансов, – не без гордости заметил я. Для моего мира скорость сравнима с черепашей, но здесь такая цифра – сумасбродство. Как бы быстро не обучалась знать новым трюкам, в их подсознании таился страх, и при управлении флевиллом они редко передвигали рычаг скорости выше, чем на три деления вверх. Общее число делений, если я не упоминал – пять.

У «Йоты» два рычага скорости, по одному на каждый двигатель, что делало управление несколько более сложным, но и не столь скучным. Помимо всего прочего, мы снабжали последнюю серию флевиллов лобовым стеклом сложной формы, укрепляя его руной «Кер-Уль-Ханнам», так называемой «руной вечности», значительно повышающих срок службы и прочность материала. Но хватит рекламы. В «Телмьюнский вестник» я давал ее редко, и всегда – отдельной колонкой.

Я возлагал надежду на данное творение, как Кусто на свою «Калипсо». Конечно, цели у меня гораздо менее научные, однако хорошая подготовка к делу – уже половина дела.

– Смотри, – удивленно шепнул Локстед, дернув меня за рукав пальто.

Алатор нарезал несколько кругов вокруг нашего транспорта и, видимо, решил, что будет не лишним самому позаботиться о дополнительном укреплении оборонной мощи. Начал он с порошка. Да-да, многие нынче начинают с порошка, а потом переходят на что покруче... о чем это я? Ах да. Могучий маг насыпал идеально ровный круг из синего поблескивающего вещества, опоясывающий невозмутимо парящую «Йоту». После этого начались чудеса – оставалось только смотреть и разевать рты, работу специалиста такого класса увидишь нечасто.

Негромкий хлопок. Я даже не пытался запомнить пафосно и громко произносимые слова чего-то древнего и очевидно матерного, так как известно, что народы, жившие много тысячелетий назад, перемежали командные слова наиболее крепкими ругательствами. Для закрепления эффекта, так сказать. Повинуясь движениям сухощавой руки, песок потерял свое агрегатное состояние – сыпучесть там, твердость. Вместо этого вверх, как головы гидры, взметнулись синие водяные струи. Вот она, легендарная сухая вода, мелькнуло в голове ироничное.

По правде, я мог только стоять и смотреть – нечасто становишься свидетелем произносимого заклинания. Заурядные трюки студенты Академии оттачивают на уровне пассов, а то и вовсе применения одним усилием мысли. Уровень магии, что показывал грозный старик, был самым настоящим чудом. Обыкновенным чудом, если желаете.

Все головы, если их можно так назвать, хаотично танцевали вокруг машины, а потом неожиданно клюнули в ее борта, разбившись сотней мельчайших брызг. Затем все повторилось еще раз, еще и еще. Ко всему прочему, «Йота» начала светиться, что мне совершенно не нравилось, но лезть в область применения магии – все равно, что стоять под стрелой, играясь со спичками. Без каски.

Завершилось все взрывом, от которого я ослеп, а Локстед с его большими чувствительными зрачками наверняка ощутил куда больший дискомфорт. Когда солнечные зайчики в глазах прекратили безумный хоровод, я, прищуриваясь, снова посмотрел на флевилл.

Ничего не изменилось.

Нет, вообще никаких видимых различий. Внутренняя поверхность круга, начерченная Алатором, выгорела начисто, но машина выглядела так же, как и прежде – темно-зеленый массивный корпус, два гротескных «уха» с плавными обводами турбин сзади, плотно прилегающих к кузову, кабина из кованых профилей, накрытая тентом из просмоленной ткани. Можно сказать, местный вариант джипа для сафари.

Я вопросительно посмотрел на мага, тот, нащупав затылком мой недоуменный взгляд, развернулся:

– Что вы хотели?

– Узнать, зачем все эти нелепые танцы, – совсем не любезно проговорил я. Круги в глазах все еще плавали, йрвай так вообще протирал мохнатыми кулаками слезящиеся гляделки, похоже, выбыл из строя надолго.

– Это – древняя магия, – назидательно сообщил Алатор. – Она охранит нас от буйства стихий и от недругов, буде таковые встретятся.

– Какую конкретную защиту дает ритуал?

– Отражает стрелы, камни, град или заклинания типа Алого Копья.

– Любой объект, что с определенной скоростью полетит в машину, будет отражен? – с недоверием спросил я. Маг усмехнулся:

– Гораздо лучше. То, что вы описали – базовое защитное заклинание, которому учат новичков. Зеркальный Круг создает дубль снаряда и направляет его во врага с той же скоростью.

– А изнутри как? Я имею в виду, если нам понадобится стрелять из арбалета? Кроме того, как долго держится защита?

– Тише, тише, мастер Рихард, – махнул он рукой. – Слишком много вопросов, а у меня консультации – платные. Вы сможете стрелять из чего угодно изнутри, купол отражает только

внешние атаки. Кроме того, я время от времени буду обновлять магию – для этого требуется гораздо меньше усилий.

– Ммм, – обиженно промычал Локстед. Я похлопал его по плечу:

– Нечего на сварку смотреть.

– Ммммм ммм, – сердито отозвался он, потирая глаза. Кажется, меня только что куда-то послали.

Глава 4. В которой мы выясняем, кто на что не способен

– Скорее всего, нам предстоит работать в команде, – задумчиво произнес я, оглябая массивный утес, вокруг которого виляла дорога. Надо подумать о механизме поднятия стекол – пока моих изобретательских способностей хватило на то, чтобы сделать их откидными, в рамке из специального уплотнителя. На ощупь – резина, но не резина. А вот так чтобы чуть опустить – нельзя. Досадно, но задумываешься только когда вспоминаешь комфорт поездок в другом мире.

– Да, и? – вежливо вернул меня на мысль Лигби. Я поднял палец вверх, полуобернувшись к ним:

– Мне нужно знать о вас все. Ну, или почти все. Я не могу планировать тактику боя или других действий, если не буду знать о ваших возможностях в полном объеме. Начну с себя, чтобы это не показалось пустыми словами. Я хорошо владею арбалетом, хуже – мечом. Кроме того, немного знаю о маскировке на пересеченной местности. Являюсь вольным купцом, с грамотой, всеми необходимыми печатями и определенной репутацией в Грайруве, а так же среди знати других королевств.

Насчет оружия не вру, стремление к собственной безопасности перевесило желание постоянно сидеть за развитием дела. Хотел похвастаться про то, что работать на имперском рынке не в пример проще, чем на земном глобальном, но не буду. Есть некоторые моменты, так сказать, пережиток феодального настоящего. Так вот, про владение средствами человекоубийства. Анатолий Бревитцер, саррус и наш бывший компаньон, обучил меня, как пользоваться арбалетом, а потом нещадно гонял, пока я не стал худо-бедно попадать с пятидесяти шагов в середину мишени, а потом и со ста. Также он дал мне небольшой урок владения мечом, но о нем я не люблю вспоминать.

Настолько не люблю, что начал брать у мастера Айви Столруса уроки фехтования. Меч, кавалерийский тяжелый палаш, короткий меч, полуторный меч. Правда, одно но – на момент отправки я успел посетить всего двадцать занятий, поэтому бретером называть я себя все еще не мог, и скромно опускал тему о собственных навыках владения мечом. Достаточно, чтобы не отсечь голову себе или союзнику.

– Праща, метательные ножи. Когти, если понадобится, – сухо отчитался Локстед.

– Ты – голова, – похлопал я его по плечу. – И голову свою в драку лучше не суй, она нам еще понадобится. Не обижайтесь, Алатор, но если бы этот парень был магом, ваши услуги нам точно не понадобились бы. У Локстеда почти абсолютная память и неисчерпаемый запас энергии, которую он обычно тратит на всякую чушь. Ах да, и еще он умелый знахарь.

– При случае и я могу использовать целительные заклятия, но все же в них я не столь умел, – заметил Алатор, пожав плечами – мол, если избавлюсь от этой части работы, мне же легче.

Локстед обиженно уткнулся в книгу, раздосадованный тем, что ему не дают собраться с мыслями и все время теребят по поводу каких-то мелочей. Я крутил штурвал «Йоты», прислушиваясь к ходу тросов под днищем. Нормально. Могло быть и хуже, однако не стало – для транспорта, собранного без многомесячной выверки, наш парящий экспедиционный грузовик был на диво хорош.

– Мастер Алатор, я не знаю всех возможностей магии, поэтому вы бы сообщили мне, чего не сделаете ни при каких обстоятельствах.

– Некромантия, – принялся перечислять он, – она мне противна, хотя и несет определенные плоды. Заклинания разящего Света, эффективные против различного рода темных элементов. Магия, серьезно воздействующая на рассудок, тоже вне моей компетенции.

– Досадно, – усмехнулся я. – А я так хотел воспользоваться вашей помощью, чтобы продать товар повыгоднее.

– Эдиктом императора Нойора, Сидящего на ножах, запрещено.

– Сидящего на чем? – Локстед оторвался от книги и с удивлением мотнул торчащими ушами, развернувшись назад. Я тоже недоуменно покосился на мага.

– На ножах, – хмыкнул Лигби. – Мне учитель тоже забивал голову всякой чепухой вроде давно умерших правителей. Этому то ли две, то ли две с половиной тысячи лет.

Алатор строго поправил:

– Две тысячи восемьсот семьдесят два года с момента смерти Нойора. Кстати, он первым упрочил положение магов в империи, издав соответствующие законы. Историю развития магии тоже знать нужно.

– А зачем он сидел на ножах? – любопытствовал йрвай.

– Нравилось, наверное, – фыркнул я. – Или очередное древнее проклятие.

– Соображаете, – первый раз за все время криво улыбнулся маг. – Действительно, побег от старинного, как всегда, неточно сформулированного проклятия – общая беда заклинаний Древних. На сей раз оно досталось императору Грайрува, и звучало приблизительно как «Коттаг райкс э-дулишим рубецкау парн зобем». В переводе на современный язык – «Кровь императора ежегодно обильно орошает трон». С началом каждого года своего правления император брал нож и резал себя, до крови, после чего «обильно орошал» ей трон. Поскольку до момента, когда нашли способ противодействия, на него не было совершено ни единого покушения – способ точно работал.

– Кто был источником проклятия?

– Крайты. У них, почему-то, дикая неприязнь к людям, хоть они и считаются нейтральными существами. Слава небу, их все же очень мало.

Вообще, мы бы мало знали об истории Грайрува, если бы не три звена человеческих жизней, протянувшиеся через период в пять тысяч лет. Локстед рассказывал мне, увлеченный доступностью и обилием текстовой информации, что первых придворных летописцев наняли, как только союз королевств стал Империей Серого Жемчуга. Затем малочисленной, но могущественной касте не вменяли никаких дополнительных обязанностей, только наделяли все большими правами. Сейчас их все так же трое, и, хотя летописец не имеет права на дворянское звание, но получает четыреста золотых ежемесячно и вхож на светские приемы и рауты.

Если газета может приукрасить события, чтобы больше людей прочитало новость (нет, не вскидывайтесь так, Уэстерс, я не говорю лично о вас), то правдивостью летописей занимается ни много ни мало личный советник императора. Именно правдивостью. Если правитель захочет исказить написанное в свою пользу, его законодательно имеют право казнить. Вот такие странные законы в нашем Грайруве.

И я боюсь, что в один прекрасный день йрвай запрется в Большом Архиве и не выйдет оттуда, пока не будет знать историю в мельчайших подробностях.

Лигби, что касается тебя...

Крепыш на заднем сидении хмыкнул.

– Я – не самая подходящая тема для обсуждения.

– Если ты по какой-то причине желаешь скрыть подробности своей жизни, мы уважаем твое желание, – пожал плечами я, – однако не мог бы ты поделиться информацией, которую не считаешь секретной?

– Я хороший мечник и знаю несколько магических трюков, только и всего. Что касается Сферы...

Локстед развернулся и несколько секунд пристально вглядывался в говорившего. Тот аж замолчал. Йрвай удовлетворенно сказал, прочистив горло:

– Вспомнил.

– Что именно? – покосился я на него. Небошь, опять какую-то из своих фирменных шуточек отпустит.

– Его вспомнил. Лигби, то бишь, Стюарта. Год назад я ездил в Рименкройц – ну, ты помнишь, город у излучины Жемчужной, к югу от Телмьюна. Имел честь там наблюдать соревнование фехтовальщиков имперского масштаба. Этот парень выбыл к концу состязания, аккурат перед финальным поединком, в котором сошлись барон Олдвудский и Шейцзу из Дейна.

– Только тогда я называл себя Гран Стюарт, – буркнул Лигби. – У ушастого и впрямь память хоть куда.

– А мордатый гораздо лучше владеет мечом, чем хотел показать, – вернул любезность Локстед.

– Все равно я не выиграл. Господин Шейцзу разделал меня под орех.

– Мы рады и полуфиналисту, – ухмыльнулся я. – Расскажи лучше про орден. Опять же, то, что не запрещено разглашать.

– Может, лучше я? – вклинился йрвай.

– Может. Но я бы хотел послушать, так сказать, версию изнутри.

Лигби усмехнулся, затем развел руками:

– Так и быть. Начну с того, что орден Противостояния не запрещает изучать магию или механику. Все, что помогает изничтожать нечисть Ниста, идет на благо.

– Все средства хороши, – перевел я.

– Да. Исключая некромантию. Как и самих некромантов – мы стараемся пресекать их деятельность.

– Усечением головы?

– В основном. Что касается меня, я, пожалуй, и не помню, как попал в орден. У маршала Гэвингтона есть прелестная особенность – он, помимо привлечения искателей приключений, любит иногда объявить нистоборцев еще и хорошей школой жизни для отроков шести лет и выше. Родители, особенно из не слишком зажиточных семей, клюют на эту наживку и отдают свое чадо на воспитание и обучение. Так я и попал в орден.

– Здорово. Тебя, естественно, не спрашивали?

– Ребенок шести лет обычно не обладает правом голоса, – поморщился Лигби. – Из обряда инициации помню только холодную серебряную лопатку, которую я чуть не проглотил. Она мелкая была, не больше двух пальцев в ширину на расширенном конце.

– А это точно была инициация? – прикинул я, вспомнив медосмотры у ЛОРа.

– Точно. Так вот, те, кто попадает туда в детстве, обычно действительно проходят основы счета, письма, постигают умение расшифровки знаков древних, а также нескольких языков, использующихся, в основном, для призыва различных демонов, орд Ниста или стихийных существ. Помимо всего прочего, адепты ордена обучаются фехтованию, атаке в строю, прочим элементам военного дела.

Напомнило мне это один орден средневековой Земли. Да что там один – большинство действовали по этому принципу. Воспитывали молодежь в духе собственной пропаганды, обучали, в основном, убивать.

Стюарт тем временем продолжал:

– Светские манеры, политес, учтивость, знание законов, дворянский кодекс и кодекс землевладельца – наверное, им уделялось ничуть не меньше времени.

Ну ладно – не только убивать.

– И насколько прилежным учеником ты был?

– Не слишком, – хмыкнул он. – Во всяком случае, среди дворян буду дуб дубом.

– Если в бою ты чувствуешь себя хорошо, меня, как руководителя экспедиции, это устраивает, – кивнул я, не отрывая взгляда от дороги.

– Что касается охотников за головами, которых тоже называют нистоборцами – они, хоть и имеют привилегии адепта, однако не слишком ими пользуются. Кроме того, им не хватает обучения, и в качестве боевой единицы ценность среднего искателя приключений, имеющего контракт с Орденом, несоизмеримо ниже.

Я вспомнил человека-медведя Лайзу, с которым столкнулся в Боббурге. По виду – так он явно превосходил «среднего». Во всяком случае, я бы долго сомневался, на кого из них ставить в поединке – но что ждать от меня, не разбирающегося в фехтовании и на чемпионаты по выкалыванию друг другу глаз не ездящего.

– А какие ритуалы у них? Я пока что вступать не собираюсь, но кто знает...

Лигби задумался. Очевидно, он не слишком интересовался бродягами.

– Ну-у... есть система званий. Адепт, хотя адептами называют всех, кто состоит в ордене, Искатель, Светоч, Разящий, Имперский щит. Глава ордена носит звание маршала. Выше Искателя посторонние лица продвинуться по службе не могут. Все, что я знаю – охотников обучают работе с иллуэвейсом и отпускают в вольное плавание. С ними не проводят никаких дополнительных обрядов, просто добавляют имя в реестр. Реестр рассылается по всем отделениям ордена каждые два месяца или сто дней, дабы любой охотник мог получить причитающиеся награды как можно ближе к месту убийства нечисти.

– То есть, те, кто вне Ордена, руководствуются, прежде всего, деньгами? Понимаю их, – ухмыльнулся я. – Без монеты нынче жизнь не то что бы сильно хороша. Локстед, можно от тебя потребовать точную энциклопедическую справку?

Йрвай даже надулся от гордости.

– История Ордена начинается в тысяча сто тридцатом году, когда...

– Стоп. Сокращенно – кто, что, цели.

Локстед немного сдулся, но продолжил, почти не сбиваясь:

– Орден Противостояния Нисту основан смотрительницей Королевского моста Тиранж, скончавшейся во время Демонической войны. Цель – предотвратить воздействие темной сущности Ниста на мир Кихча. Устав я, щадя лично твои, Рихард, уши, пропущу, однако смею заметить, что со временем полномочия нистоборцев были заметно расширены несколькими императорами. Орден, ко всему прочему, приобрел славу подавителя восстания магов в три тысячи девяностом году, затем переловил диких оборотней после эпидемии три тысячи восемьсот семьдесят пятого.

– В общем, крутые ребята, пользующиеся поддержкой императора, – подвел я итог.

Алатор не утерпел и ввязался в наш диалог:

– Даже если отбросить умение нистоборцев сражаться с порождениями зла, по военной мощи Орден представляет собой четвертую силу в империи. Нельзя недооценивать их.

– После кого?

– На первом месте – Коллегия, – важно заметил он, затем споткнулся о ехидный взгляд Локстеда, сомнительно покачивающего головой. – Я не лгу, магическую мощь нельзя недооценивать. На втором – армия Его императорского Величества Варанга Пройдохи Величайшего.

– Вы ведь не учитываете поддержку боевых магов, не состоящих в Коллегии? – задумчиво поинтересовался я.

– Нет, только вооруженные силы, – нехотя подтвердил Алатор. Надо же, какой честолюбивый. Но у меня нет желания подыгрывать ему, и льстиво озвучивать, что его задранный нос – самый высокий в мире. Условно поставлю их на одну ступеньку. Но кто на третьем месте?

Данный вопрос я озвучил вслух. Любопытный йрвай ожидающе уставился на мага, тот развел руками:

– Марды. Они держатся обособленно и формально к империи не принадлежат, однако у нас по-прежнему заключен военный и экономический союз.

– И они потенциально сильнее Ордена?

– Как государство – безусловно, нельзя даже и сравнивать. Экономическая мощь подземья, которое населяют не знающие себе равных ремесленники по металлу, талантливые механики и рунные мастера. Даже если среди них не попадаются обладающие Искрой... не хотел бы я ввязываться в войну с мардами, – поежился Алатор, почесывая гладко выбритый подбородок.

– Хорошо, это все хорошо, – нетерпеливо проговорил Локстед. – Что насчет нистоборцев? Лигби, у вас есть какие-то могущественные враги?

– Согласен, – кивнул я, аккуратно огибая мчащуюся упряжку тирренов с неизменной почтовой повозкой. – Если вдруг тебя на каком-то постоялом дворе захотят убить, мы должны хотя бы знать за что.

– Что на плите могильной написать, и прочее, – ухмыльнулся йрвай, по-прежнему сидящий вполоборота. Никакой безопасности пассажира, черт бы его побрал.

– Не знаю, – задумчиво проговорил Стюарт. – Отношение к нам, охотникам, скорее положительное. Простой народ так и вовсе нас боготворит – непросто справиться с некоторыми порождениями Ниста без специальных знаний. Аристократы... ну, как к любому воину. Если сам знатный бретер, то почти по-дружески, если придворный слизняк – с презрением и напыщенностью. Разве что Манштейн...

– Кто?!

Я чуть в кювет не улетел, благо их здесь нет. Какой еще Манштейн? Пусть я плохо учил историю, однако фамилия-то довольно известная. В моем мире.

– Вечная заноза в заднице Коллегии, – флегматично произнес седовласый маг.

– Личность, обучающая магии людей без Искры.

– А это технически возможно? – поразился я.

– Возможно – и противозаконно, – сухо осадил меня Лигби. – Кроме родства ритуалов с темными чарами, Харальд Манштейн, верховный колдун Экклесии, как подозревают многие, еще и вытягивает из «учеников» часть жизненной силы, подпитывая свою.

Уф. Ну, хотя бы Харальд, не Эрих.

– И много у него последователей?

– На небольшую армию.

А вот тут совпало. Замечательно. Просто замечательно. Я похож на героя? Нет, мистер Фикс, на героя вы не похожи. У вас не хватает сущей малости, мистер Фикс – интеллекта, телосложения, магического дара. На кой овощ мне все эти химеры в виде очередных войн могущественных магов?

– К тому же, они обучаются постоянному считыванию аур живого существа... так что если вдруг повстречаем их, мне придется вас оставить, – сурово подвел итог Лигби Стюарт.

– Может, лучше не повстречаем?

– Да, было бы неплохо с музыкой и вином проехать от столицы до моего племени, – иронично заметил Локстед, снова с головой нырнув в волны печатного текста. – Не забыл еще, куда именно мы направляемся?

– Ой, да прекрати ты, – хмыкнул я. – Волков бояться – в лес не ходить.

– А у нас и не ходят, – отозвался он. – И много куда не ходят без тщательной предварительной подготовки.

Алатор пророкотал мощным голосом из-за моей спины:

– Что бы там не таилось, в твоём родном Теджуссе, оно не устрасит опытных путешественников!

Я проворчал:

– Говорите за себя, любезнейший. Мне вот, например, отчаянно не по себе от самой этой идеи.

– Сочувствия предложить не могу, – хмыкнул йрвай.

Крепкая ладонь опустилась на мое плечо. Я инстинктивно дернулся – ну не люблю, когда за плечи хватают. И вообще – когда трогают.

– Могу предложить яблоко, – низким голосом прогудел Лигби. Вот странно, он парень крепкий, но тембр голоса у него значительно ниже, чем ожидаешь.

Из-за спины появилась вторая рука, с зажатым в ней гигантским плодом, по размеру напоминающим скорее дыню. Почти идеально красное, яблоко поражало своим размером и благоуханием.

– Э-э, нет, – оправившись от легкого ступора, протянул я. – Такое чудовище я один не съем. Мастер Стюарт, если вас не затруднит... и заодно, расскажите, где вы достали сей чудесный плод. Уж не из запретного сада ли?

Лигби понял все без слов и достал из ножен на спине небольших размеров тесак, которым умело разделал несчастный фрукт.

– Мастер Алатор не любит распространяться о том, что, кроме занятий прикладной магией, он еще и умелый садовод. Занимается, в основном, яблоками, фейнеххе, морклами.

Вот те раз. Я уж было думал, нарвались на сурового адепта, кроме магии, ничего в своей жизни не признающего. И тут на тебе – он агроном, сын агронома, да простят меня предки за фривольную цитату.

Фейнеххе – небольшой плод, растущий на дереве с раскидистыми листьями нежно-голубого цвета. Сам фрукт напоминает орех в светло-зеленой кожуре, однако, вместо ореха внутри находится розовая мякоть, по вкусу чем-то напоминающая сливки с легким лимонным оттенком. Морклы же – общее название, включающее в себя несколько разновидностей косточковых плодов, которые вообще ни на что не похожи. Их созревание начинается с косточек, что появляются на ветвях подобно почкам, а затем обрастают тонкими белесыми нитями, которые еще и светятся в темноте. На вкус, кстати, великолепны – только потом пальцы отмывать замучишься.

Но меня больше всего беспокоило яблоко. В данный момент.

– Алатор, вы его не поливали никакой магической гадостью? Оно какое-то... подозрительное.

– И в чем же его подозрительность? – недовольно поинтересовался маг.

– Как по мне, оно слишком большое.

– Мастер Рихард, да будет вам известно, что правильное направление соков яблони может дать удивительный плод.

– То есть, все же ГМО, – удрученно протянул я. Но от своей доли не отказался.

Глава 5. В которой Локстед узнает кое-кого, а мы – кое-что

Загадай желание – и оно исполнится. То есть, не то что бы я хотел вывести пожилого мага из себя, но его напыщенность основательно действовала на нервы. Правда, и сам я пребывал не в лучшем настроении. Почему, когда рассчитываешь быстро добраться из точки А в точку Б, вселенная начинает совать тебе палки? В лучшем случае – в колеса.

«Йота» стояла – вернее, парила – на обочине тракта. Мимо ездили упряжки, и, изредка, куфы. Алатор гневался, мы усердно внимали.

– Не птица, а какое-то наказание. Знак судьбы! – воскликнул маг, потрясая сухощавыми кулаками. – Своровать амулет, да еще и не просто амулет, а самый необходимый!

Из предыдущих сетований мы уже знали, что амулет помогает противодействовать какой-то темной материи проклятия Хазиголла, но лично я решительно не понимал, почему мы должны с головой нырять в какую-то темную материю. Брезгливый я. Не люблю всякие, понимаешь, темные материи.

– А это не могла быть какая-то специально обученная птица? – предположил я, следуя верной привычке всюду видеть заговор. Алатор хмыкнул:

– Скорее всего, нет. Я наложил заклятие слежения – если бы она была магическим созданием или зачарована каким-то неизвестным умельцем, я бы точно ощутил.

Я обрадовался:

– Так давайте найдем ее, да и дело в шляпе, – и поправил шляпу. – В конце концов, если правильно понимаю, от данного амулета может зависеть то, доберемся ли мы до Теджусса.

– Вроде так, да не так, – развел руками старик. Даже это незамысловатое действие он умудрился проделать величественно. – Вы собираетесь идти за птицей, если она подалась куда-нибудь в Консьеген? Или в тот же баронат Крепескелл? Или...

– Понял, понял. Незачем перечислять все окрестные королевства, не принадлежащие нашей великой империи, – проворчал я, почесывая подбородок, щетина на котором плавно перерастала в бороду. Конечно, до настоящей бороды ей еще расти и расти, но вид бывшего путешественника... кого я обманываю, похож только на столичного купца в походной одежде. Даже с арбалетом.

– Пока что она, впрочем, недалеко.

– Пошли ловить, – вздохнул я.

Лес мы прочесывали недолго, благо, на пути к Ровену лес еще не перерастает в настоящую дремучую чащу. Повинуясь какому-то внутреннему ощущению, Алатор указал длинным, жилистым пальцем на высокую сосну, неизвестно как затесавшуюся среди стройных рядов деревьев рэйна. Да и называется она на Кихча не сосной, а... вот же сосны зеленые, забыл. Да и неважно, в общем. Забегая наперед, скажу, что названий флоры я наслушался на двести лет вперед, без единой возможности их практического применения.

– Вот она.

– Да у нее там гнездо, – присвистнул Локстед. Молчаливый крепыш Лигби остался охранять «Йоту», раз он такой хороший фехтовальщик. – Разорять полезем?

Я задумчиво посмотрел на Локстеда, затем на дерево. Потом опять на йрвая – и снова на дерево.

– Ты чего на меня так смотришь?

– Любуюсь. Хороший ты, красивый. И по деревьям наверняка отлично лазишь. Даже лазиешь.

– Я похож на обезьяну? – поинтересовался он с абсолютно серьезным выражением лица.

– Мастер Локстед, вы, возможно, будете удивлены, однако... – я заткнулся и отвесил шуточный поклон. Надо же хоть иногда возвращать ему шпильки.

– Надо признать, по деревьям я лажу действительно хорошо, – вздохнул йрвай. – И, если вдруг мастер Алатор не желает самолично убедиться, что его замечательный амулет находится именно на этом дереве...

– Что вы, – первый раз за все время усмехнувшись, покачал головой Алатор. – Я слишком стар...

«Для этого дерьма», мысленно добавил я.

– ...для того, чтобы падать с высоты, соответствующей Императорскому Плато.

Локстед спокойно разделся, остался только в штанах – даже крепкие сапоги, по его лапе сшитые, скинул – и, вздохнув еще раз, полез наверх, цепляясь когтями.

Когти у йрваев большие, тщательно выраженные, как сказал бы медик. И страшные. Они, скорее, похожи на медвежьи, чем на кошачьи, но более тонкие и острые. Медведь-то свои ставит, ему для разборок с недругами хватает зубов и физической силы. Но тонким манипуляциям наличие когтей, как ни странно, не мешает. Уж сколько я наблюдал за нанесением рун, ушастое чудо обращается с кистью ничуть не менее скоро, чем лучшие из имперских писцов со своими письменными принадлежностями.

– Эй, – донеслось сверху.

– Чего там? – осведомился я, задрал голову. Все время стоять с задранной головой – не то, а поднимался йрвай не слишком быстро.

– Да тут полное гнездо всякой всячины!

– Вот те на. Не думал, не гадал – клад нашел. Похоже, мастер Алатор, ваш амулет не первый. А если мы не снесем это чертово гнездо, то далеко не последний... Яйца есть?

– В гнезде – есть! – отрапортовал Локстед. Я махнул рукой:

– Его Высокоблагородствие Варанг с ними! Переворачивай все к чертям собачьим.

Спустя несколько секунд я понял, что моя затея не блистала благоразумием. На нас обрушился дождь из монеток, колец, шейных украшений – их объединяло два факта: блеск и тяжесть. Но я выстоял на ногах, невозмутимый и почти герой. Пострадало лишь самолюбие.

– Благо, еще не месяц Дождей, – заметил маг, потрудившись все же нагнуться и собирая в траве побрякушки. Я молча кивнул, поражаясь тому, что большинство металлических штук очень хорошо сохранились.

В Месяц Дождей подлесок сметает начисто. В отличие от осенней поры в моем родном мире, здесь листья в лесу надолго не задерживаются, обнажая мокрую и неприятно-мягкую на ощупь землю. А сейчас, хвала всем известным богам мира Кихча, только самое начало месяца Зеленых Иггов. Если точнее – пятое число. По моим расчетам, уже десятого мы должны были оказаться в Рангерий-Закте, крупном приграничном городе.

Нашли?

Да, – отряхивая ладони, пробурчал маг. – Странно, что ни одного магического амулета или хоть заваливающего талисмана.

Не каждый день, думаю, здесь катаются волшебники, – возразил я. – Или вы надеетесь на вознаграждение за час убитого времени?

Было бы неплохо, – сухо ответил он, пряча поблескивающий предмет в один из поясных карманов. Я, тем временем, собрал все, что казалось более-менее ценным, рассчитывая получить хотя бы несколько золотых за такое богатство. Открывать ювелирную лавку я, конечно, не собирался, но клад мы нашли действительно солидный.

Все подмели? – ехидно поинтересовался Локстед, спрыгивая с высоты около трех метров.

Я пожал плечами и полез в карман дорожного плаща, зачерпнув горсть украшений и протянув ему:

– Держи... подельник.

Йрвай сграбастал «долю», растерянно примерился к своим карманам и покачал головой:

– Ладно, держи пока у себя. В крайнем случае, в Телмьюне отдашь.

– Поражаюсь твоей вере в то, что мы удачно доберемся туда и обратно.

– Достал уже ныть. Рихард, не все так плохо, как ты себе почему-то вообразил. Одно хорошо, – рассудительно заметил Локстед, – после всех моих страшилок ты должен быть крайне осторожен.

– Будем надеяться, что это поможет, – вздохнул я. Желания прекращать ныть у меня не наблюдалось. – Не то чтобы я сомневался в твоей жизненной мудрости, однако каких-либо гарантий своего выживания в ближайшем будущем я не вижу.

– Сложно будет договориться с судьбой, чтобы она выдала тебе на руки бумажку с подписью и печатью, – фыркнул йрвай, щепочкой счищая с меха налипшую смолу. – Ты ведь только им и веришь.

– Ладно, забыли. Пошли, кого-нибудь съедим и дальше в путь – я порядком проголодался.

– У вас же, в основном, запасы долгого хранения? – спросил маг. Я кивнул, припоминая:

– Ну... да. Копчености разные, вяленая рыба, немного твердого сыра, сухари, вода, чай, крупы. Еще немного пирогов из булочной леди Тирли.

– Эй! – едва ли не взвизгнул Локстед, прыгая в одном сапоге и одновременно натягивая второй. – Ты ни словом не обмолвился, вероломный скупердяй!

Я ухмыльнулся:

– Чтобы ты все сожрал еще до того, как выехали, а потом маялся животом?

В оправдание скажу, что он не из тех, кто склонен к чревоугодию... однако, одно из немногих исключений составляют плоды трудов семьи Тирли, которые явно, в дополнение к имеющемуся кулинарному таланту, не брезгуют и магией. Причем явно такой, которой в Академии не учат. Иначе, к чему все эти бесплодные попытки столичного университета любой ценой переместить их заведение как можно ближе к коллегиальной территории? Благо, хоть до рэкета не доходило, так что йрвай по-прежнему может просаживать кучу денег на всякие булки и пироги. И не толстеет при этом, ушастое чудо.

А к чему вы задали такой вопрос?

Да так... решил пообедать с комфортом, – ответил Алатор, все еще стряхивая с ладоней невидимые пылинки. Йрвай подозрительно посмотрел на него:

Опять будете колдовать?

Опять буду колдовать, – невозмутимо подтвердил он.

Мы как раз вышли из леса и направились к нашему транспорту, как маг внезапно остановился. Я с интересом следил, чем он займется сейчас – мало ли, может, хоть какие-то крупицы знаний останутся в моей глупой голове. Алатор сделал какой-то условный знак Лигби, требуя, чтобы он подошел, затем бросил ему пару слов. Тот лишь кивнул и отправился обратно к флевиллу.

Заметив мое любопытство, маг пояснил:

– Ставлю защиту на вашу чудесную телегу. Не ровен час, еще покалечится кто.

– Или угонит, – хмуро кивнул я.

– Насчет «угонит» – не спешил бы я делать выводы. Умственные способности крестьян Грайрува, к счастью, не позволят освоить целых четыре рычага одновременно. А ведь у вас там еще какие-то заслонки и специальные щитки.

– Насчет щитков я бы не стал так беспокоиться, они все равно декоративные.

– После того, как мой ученик прочтет охранное заклинание, и оставит в кабине малый оберег Шту, «Йоту» никто не увидит еще около двух часов. Что, в свою очередь, даст нам время на полноценный прием пищи, – успокоил меня маг, разминая пальцы. Я усмехнулся, даже не думая возражать. Несмотря на то, что мы в нескольких часах от лучших забегаловок империи, магическая еда казалась мне вполне достойной заменой копченому мясу и фруктам.

Надо изучить древние языки. В конце концов, описывать пафосные заклинания по методу «понравилось» или «не понравилось» на слух – пустая затея. После длинной формулы, которую произнес Алатор, и нескольких тайных знаков в воздухе нарисовалось нечто, напоминающее тонкую, светящуюся букву П большого размера. Локстед недоверчиво принял, но его вид свидетельствовал о том, что ни в какой загадочной книге о таком он не читал. Я заметил его взгляд и кивнул:

– Да, я тоже не понимаю, как этим можно наесться. Но мы профаны в деле магии, нам вполне простительно чего-то не понимать.

– Верно подмечено, – усмехнулся маг. Он слегка осунулся, заметно, что заклинание забрало солидный кусок его жизненной энергии, ци, маны или с помощью чего они там колдуют. – Но, в общем-то, это не едят. Это – дверь.

– В неизвестное?

– В весьма известное и изученное не одним исследователем древних ритуалов. Но большая часть людей, хоббитов или саррусов, бравшихся за природу подобных заклинаний, в один голос утверждали, что заклинание старше нашего мира, – с иронией заметил Алатор.

Сверкающая П, символизирующая, видимо, бесплодность нашей экспедиции – или то, что ждет ее участников – начала оформляться в формы, более приличествующие любой двери. То есть, это сейчас мы видели перед своим носом дверь. Прямо посреди лужайки, даже с тремя небольшими ступенями, быстро теряющими полупрозрачность.

– Если учесть, что заклинания обычно не появляются сами... их составляют наиболее опытные и умелые маги, – рассудительно заметил йрвай, – то существо из этого мира не могло бы составить заклинание старше, чем Кихча. Или могло бы?

– Верно. Но, к счастью, личность составителя известна не только в нашем мире, так что я не стал бы ломать голову над размышлениями, – проговорил Алатор и распахнул перед нами окончательно материализовавшуюся дверь. – Добро пожаловать в особняк Мордекайнена!

– Эм. А он не обидится, что мы вот так бесцеремонно, в его дом вломились? – удивленно приподняв бровь, поинтересовался я. – Все-таки я потерял желание заходить в чужие дома – там вполне может находиться труп бывшего владельца. Или сам владелец, грозный и агрессивный.

Сзади донесся хохот. Обернувшись, я увидел, что ученик могущественного мага держится за живот, выражая желание покататься по траве. Но пока что достаточно владеет собой, дабы этого не делать.

– Простите, мастер Рихард... но тот, о ком идет речь, достаточно защищен от дурацких обид даже сильнейших магов. А что касается особняка, или дворца, или поместья – в различных школах магии это пространство называется по-разному – Мордекайнен просто очень любил свое имя. Он считал, что чем больше раз упоминается настоящее имя мага, тем большей степенью защиты от стирания его из вечности данный маг обладает.

– Будем считать, что я все понял, – проворчал я, снимая шляпу и заходя в открытую дверь. – То есть, это не его дом? И можно трогать все, что угодно? Без боязни высохнуть и рассыпаться в песок? Или сгореть?

– Мне кажется или ты паникуешь? – невинно подначил Локстед, ткнув сзади кулаком на уровне поясницы.

– Ничуть. Просто хочу список с правилами поведения здесь.

Алатор прошел мимо нас и повесил плащ на неведомо откуда взявшуюся вешалку. Собственно, мы потому и замерли на пороге – до нас, наконец, дошло все царственное величие помещения. Маг небрежно бросил:

– Желательно не чавкать за столом. Будем считать, на этом все.

Ехидной фразы я практически не заметил – перед нами был шикарно накрытый обеденный стол, на котором все время добавлялись блюда, накрытые блестящими металлическими

крышками. Хилтон, мать его. Я последовал примеру советчика и разделся, подвернув рукава рубашки. Салфетку за воротник заправлять не стал – нарочито показательным чудесам всегда стоит противопоставлять нарочитую небрежность. Мол, увидел, оценил. Но на колени падать и восхищаться не буду.

Локстед, запрыгнувший на соседний стул (к сожалению, вариантов размеров тут не наблюдалось, что создавало определенные неудобства и для длинного мага, и для низкого йрвая), ткнул меня когтем в бок:

– Гляди, – шепнул он, указывая на блюда. Они не просто так летали в воздухе – приглядевшись, можно было различить следы невидимых рук. Наверное, на полу находились еще и следы невидимых ног, но, оглядевшись по сторонам, я их не обнаружил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.